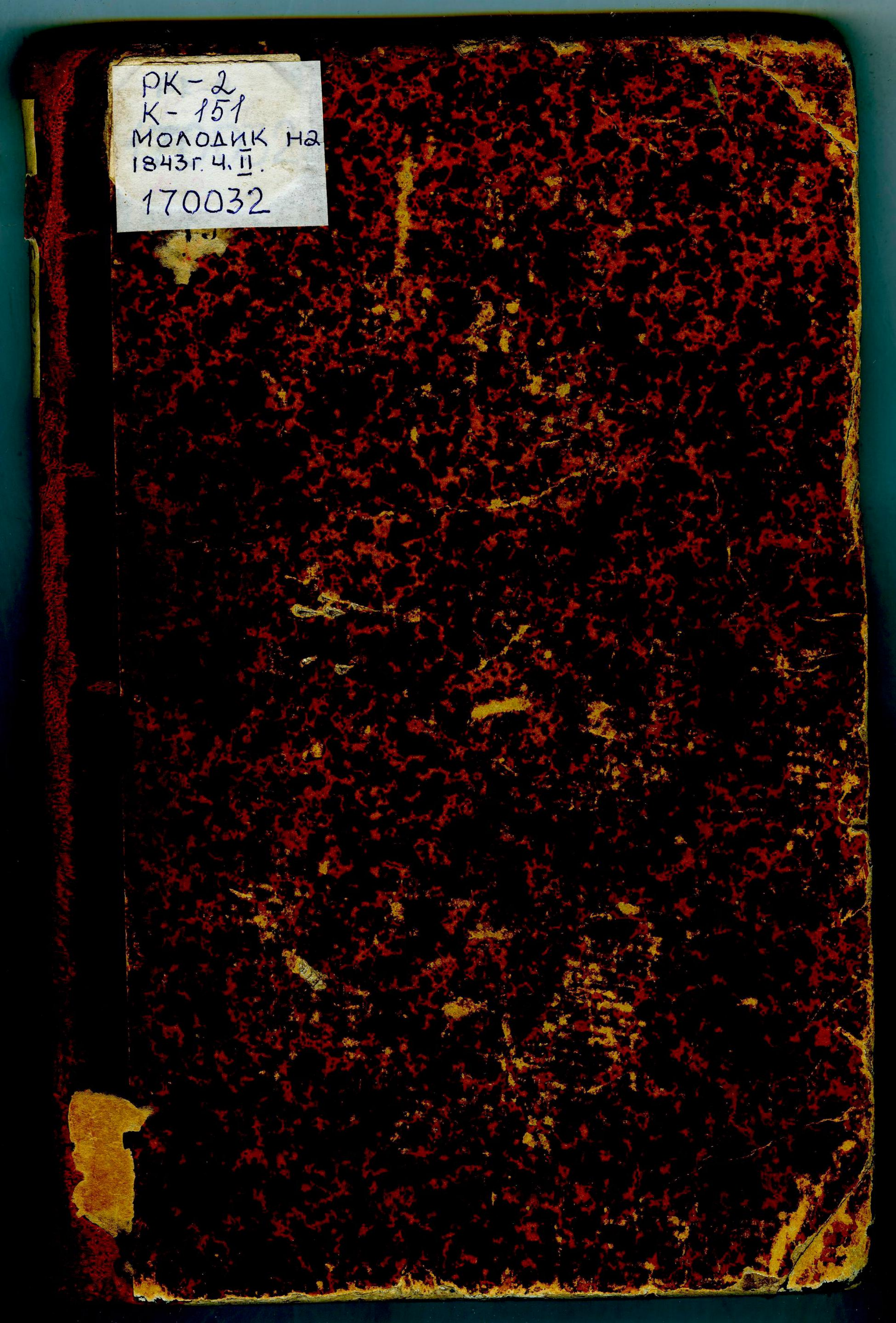
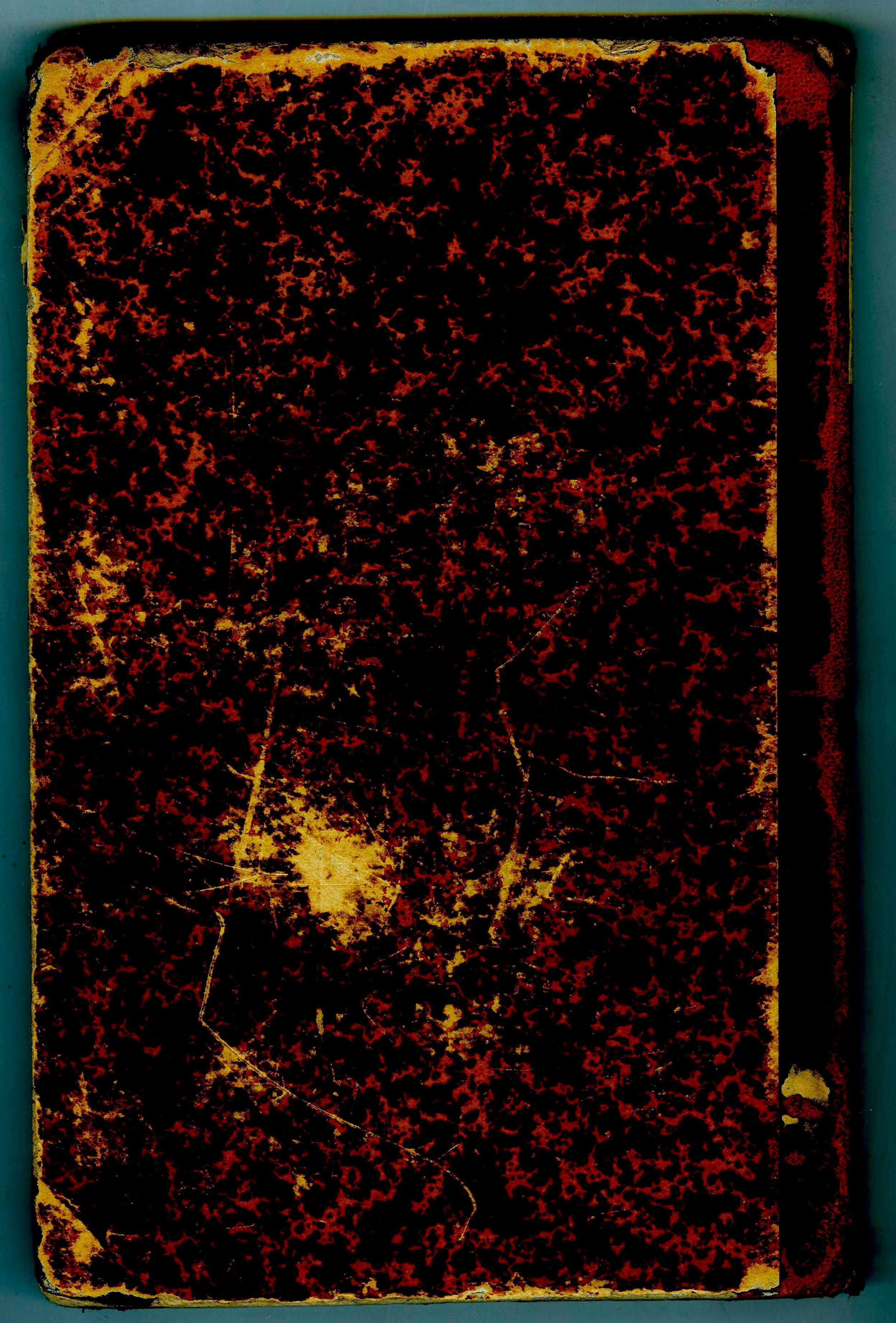
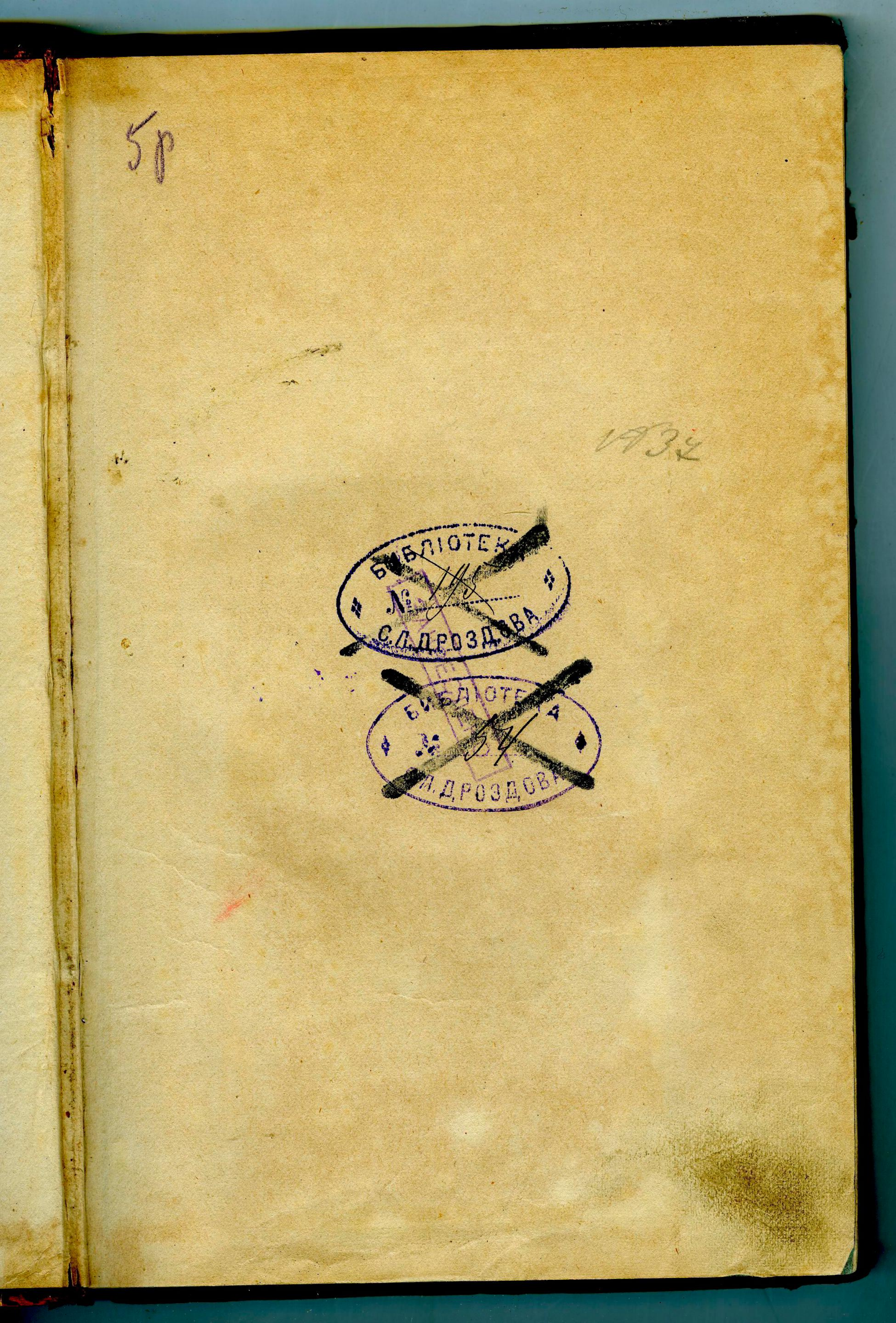
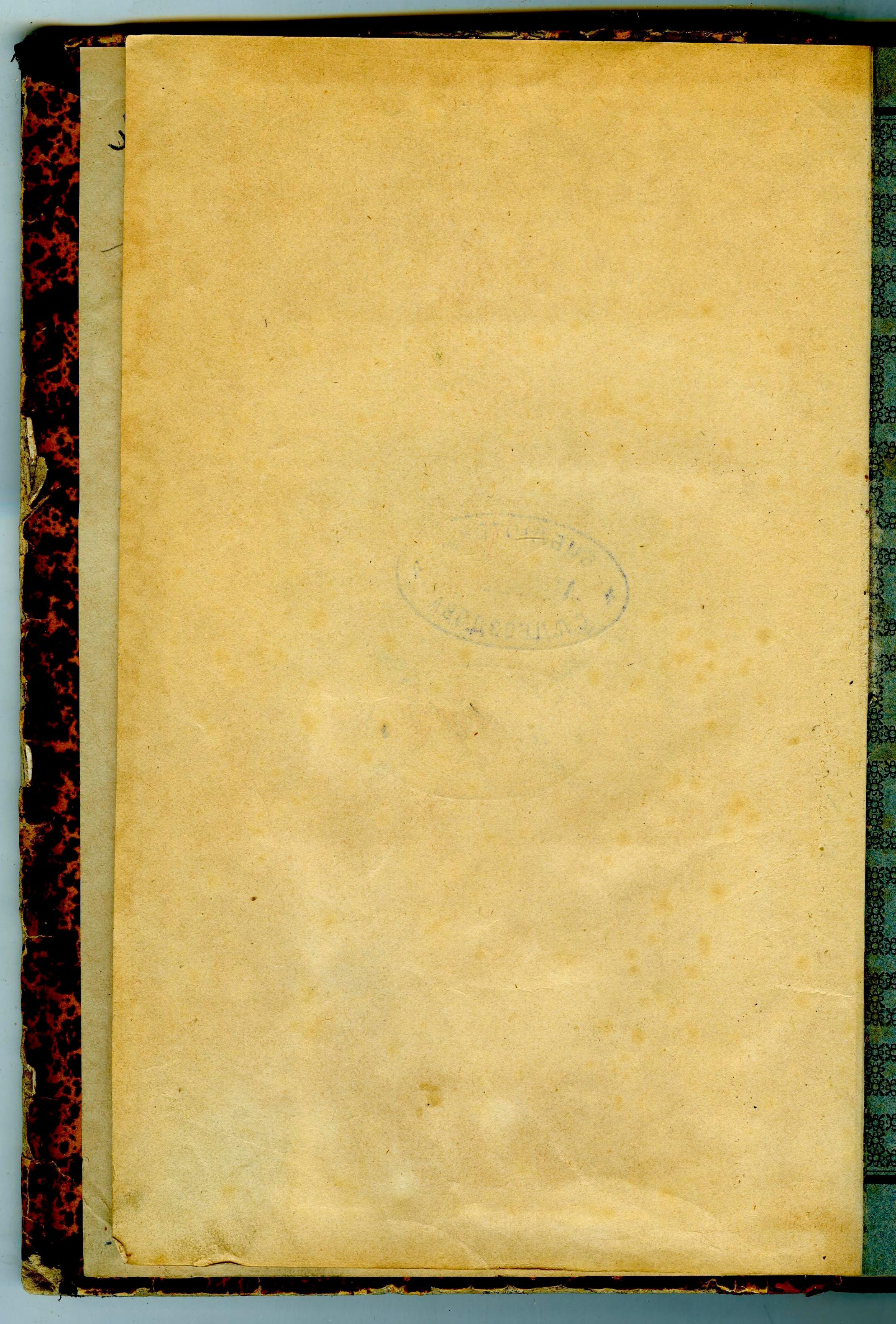

РК-2
К-151
Молодик на
1843г. Ч. II.
170032

5р
БИБЛІОТЕКА
№
С.П.ДРОЗДОВА
БИБЛІОТЕКА
№
С.П.ДРОЗДОВА

МОЛОДИКЪ

НА 1843 ГОДЪ.

МОЛОДИ́КЪ.

МОЛОДИ́КЪ

НА 1843 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

Издаваемый И. Бецкимъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 10 Сентября 1842.

Цензоръ А. Очкинъ.

Цензоръ А. Никитенко.

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Драматическое сочиненіе,

I. Корженевскаго.

ПЯТЫЙ АКТЪ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ С*
Элиза, жена его.
Графъ Генрихъ.
Докторъ.
Николай, слуга Доктора.
Василій, слуга Владиміра.

Дѣйствіе происходитъ въ Лембергѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Богатая и со вкусомъ меблированная бесѣдка, дверь ея отперта въ иллюминованный садъ, вдали слышна бальная музыка и по временамъ видны прогуливающіеся гости.

Графъ *(смотритъ съ нетерпѣніемъ въ двери).*

Не идутъ. Какая досада! Такъ долго ждать! — Мнѣ чрезвычайно наскучило это притворство. Она очень хорошо

знаетъ, что я люблю ее и теперь..... да, теперь у меня достанетъ смѣлости сказать ей, что она должна быть моею. Столько разъ представлялся удобный случай открыть ей мою пламенную любовь..... Чтожъ? одинъ умоляющій взоръ — и гдѣ вся моя смѣлость? Невольно цѣпенѣетъ языкъ!... Ея мужъ — да что мнѣ мужъ ея? — Онъ тамъ занятъ игрою, однакожъ не забываетъ посматривать и на насъ. До сихъ поръ онъ молчалъ; но мнѣ кажется, этотъ угрюмый, задумчивый философъ скоро наконецъ и заговоритъ. Но съ нимъ уладимъ и послѣ. *(помолчавъ)* Все еще нѣтъ. Неужели Эмилія обманула меня? — Она хотѣла пригласить Элизу прогуляться въ саду, обѣщала привесть ее сюда и оставить одну *(вслушивается)* тише — нѣтъ, не она.... Наконецъ и Владиміръ можетъ замѣтить мое долгое отсутствіе. А! ея голосъ! благодарю, Эмилія, благодарю. Ахъ, если бы только она вошла сюда! Она знаетъ, что этотъ балъ для нея, что она царица и въ этомъ домѣ и въ этомъ сердцѣ. Ея воображеніе должно быть воспламенено и она охотно выслушаетъ меня. Идетъ; скроюсь, чтобъ не испугать ее неожиданностію *(уходитъ въ боковую дверь)*.

Элиза *(входитъ)*.

Какое очаровательное убѣжище! Но кудажъ дѣвалась Эмилія? Эмилія! *(становится передъ зеркаломъ и поправляетъ головной уборъ)*. Злая Эмилія оставила меня здѣсь одну, — ну какъ это можно! — Прекрасная бесѣдка *(садится; помолчавъ)*. Онъ вѣрно часто, очень часто..... и, можетъ быть, на этомъ же мѣстѣ мечтаетъ обо мнѣ *(опускаетъ голову)*.

Графъ *(тихо подходитъ и становится на колѣни).*

О комъ же могъ бы я мечтать, Элиза?

Элиза.

А! Эмилія! *(встаетъ)* пустите меня, Графъ. — Какая гнусная хитрость! — Могла ли я ожидать этаго отъ вашей кузины?

Графъ.

Элиза! прекрасная Элиза! останьтесь.

Элиза.

Ради Бога, пустите меня! Не ожидаютъ ли меня позоръ и безчестіе? Умоляю вась!

Графъ.

Я буду скроменъ, робокъ и почтителенъ. Вдали отъ васъ я сложу руки, преклоню колѣни, только выслушайте меня.

Элиза.

Вы забыли, Графъ, что я имѣю мужа, дѣтей. Нѣтъ, нѣтъ! я не могу принять вашего поклоненія! *(смотритъ на дверь).* Ахъ, Боже мой! толпы вашихъ гостей проходятъ мимо, весь садъ блеститъ огнями. Какъ мнѣ выдти отсюда одной? въ саду свѣтло какъ днемъ! — Поблагодарите, Графъ, вашу кузину за то, что она такъ похвально вамъ услужила; но вмѣстѣ скажите ей, что тотъ, кто не дорожитъ честью своихъ друзей, теряетъ свою собственную. — Ахъ, мой мужъ! Боже мой!

Графъ.

Вашъ мужъ занятъ игрою. Не безпокойтесь, Элиза! — Выслушайте меня.... сюда никто не придетъ.

Элиза.

Какъ! Не ужели всѣ ваши гости въ заговорѣ съ вами и ваше намѣреніе всѣмъ извѣстно? Прекрасно, Графъ! я никакъ не могла этаго подумать! — Вы говорили, что любите меня — и я думала, по крайней мѣрѣ, найти въ васъ чистое самоотверженіе, преданность; ваши слова, хотя и стыжусь признаться, глубоко проникали въ мою душу; но благодарю Бога, что я ошиблась.

Графъ.

Элиза!

Элиза.

Да, Графъ! еслибъ вы меня любили, вы старались бы внушать вашимъ друзьямъ и знакомымъ уваженіе ко мнѣ, и мое доброе имя было бы вамъ дороже вашей собственной чести; но вы поступаете иначе, и я счастлива, что ваши поступки спасаютъ слабую женщину и возвращаютъ ей всѣ чувства собственнаго достоинства!

Графъ.

Вы ошибаетесь, Элиза; клянусь вамъ честью, никто кромѣ Эмиліи, не знаетъ моей тайны.

Элиза.

Вы также ошибаетесь, Графъ! изъ нѣсколькихъ словъ, услышанныхъ вами, вы заключаете слишкомъ много: я могу потушить въ моемъ сердцѣ раждающуюся искру, которую ваша самонадѣянность принимаетъ за неугасимый пламень.

Графъ.

Но выслушайте жъ меня.

Элиза.

Вы перестали быть для меня опаснымъ; моя совѣсть

спокойна, и потому я готова васъ слушать; хоть, согласитесь сами, что для этаго здѣсь ни мѣсто, ни время; что дорожа своимъ именемъ и честью мужа, я не должна бы быть столько снисходительною *(садится)* извольте! что жъ вы мнѣ скажете?

Графъ.

Прелестная Элиза!

Элиза.

И только? Подумайте, Графъ! Тамъ любопытные глаза слѣдятъ мои поступки; тамъ злые языки ждутъ только пищи, чтобъ оклеветать; тамъ мужъ, терзаемый ревностью, въ отчаяніи ставитъ, быть можетъ, на карту послѣднее..... Это ужасно, Графъ!.... Быть можетъ даже, въ эту игру, которою онъ разоряетъ себя и дѣтей, услужливые друзья ваши нарочно вовлекли его, чтобы между тѣмъ жена имѣла время опорочить себя и нанести позоръ его имени. Согласитесь, Графъ, что вы занимаетесь ремесломъ неблагороднымъ, постыднымъ — и для чего же употребляете вы всѣ прекрасные дары и судьбы и природы? — Мнѣ страшно подумать объ этомъ, однакожъ я должна сказать вамъ: это все для того, Графъ, что бы дѣти того, кого вы называете своимъ другомъ, сдѣлались нищими, чтобы та, которую вы хотите увѣрить въ своей любви, оставила дочери своей примѣръ порока и безчестія *(встаетъ)* и вы меня любите? Нѣтъ, вы любите себя, а я — я васъ презираю *(плачетъ)*.

Графъ *(беретъ ея руку)*.

Элиза! ты обманываешь себя, ты притворяешься равнодушной; всѣми силами добродѣтели и благородства ты бо-

решься съ собою и не можешь преодолѣть себя. И ты хочешь, чтобъ я равнодушно смотрѣлъ на твое терзаніе и позволилъ въ тоскѣ и слезахъ увянуть цвѣтамъ твоей молодости? Нѣтъ, Элиза, ты должна быть моею.

Элиза.

Молчите, Графъ! вы меня еще не унизили до такой степени, чтобъ я должна была васъ слушать. Позовите Эмилію — мнѣ надобно возвратиться въ залъ — спѣшите *(смотритъ на дверь)* А! ужъ поздно.... мой мужъ идетъ сюда! Боже мой! что мнѣ дѣлать? Удалитесь, куда вамъ угодно — чтобъ только онъ васъ не видалъ. Ради Бога.... умоляю васъ!

Графъ.

Нѣтъ, у меня есть другое намѣреніе: я останусь.

Элиза *(складывая руки)*.

Генрихъ!

Графъ *(поспѣшно уходитъ въ боковую дверь)*.

Элиза *(одна)*.

Что мнѣ сказать ему? Зачѣмъ я здѣсь одна? Какъ онъ печаленъ! что удерживаетъ его на мѣстѣ и, какъ будто, отталкиваетъ отъ этихъ дверей? Его молчаніе ужасно.....ахъ! ударъ близокъ, я его предчувствую..... Если бы онъ его видѣлъ, слышалъ!....Боже милосердный! какъ страшно быть преступницею! Но могла-ли я ожидать такой измѣны отъ своей подруги? — Все противъ меня — и это сердце, это бѣдное сердце въ заговорѣ съ врагами моего покоя и моей чести *(садится)*.

Владиміръ (*входитъ медленно, смотря вокругъ*).

Ты здѣсь, Элиза?

Элиза.

Я гуляла съ Эмиліей — и присѣла здѣсь отдохнуть; она только что вышла.

Владиміръ.

Кто? Эмилія?

Элиза.

У меня голова болитъ; я не могу возвратиться въ залъ.

Владиміръ (*указывая на грудь*).

А у меня здѣсь болитъ — и потому я его оставилъ.

Элиза.

Ты что то печаленъ, другъ мой!

Владиміръ.

Можешь-ли ты меня утѣшить? Я проигралъ все!

Элиза.

Боже мой!

Владиміръ.

А ты? развѣ ты ничего не потеряла, Элиза?

Элиза (*умоляющимъ голосомъ*).

Владиміръ!

Владиміръ.

Пять лѣтъ тому назадъ, по вечерамъ, чуть только свободная минута, я бывалъ уже на конѣ. Помнишь-ли ты

это, Элиза? — путь мой былъ не далекъ, конь бодръ и силенъ, однако всегда усталый и измученный возвращался домой. И не диво, — какая быстрота, какая сила могла летѣть тогда на равнѣ съ моими желаніями?.... Когда вокругъ меня раздавалось пѣніе птицъ, зеленѣли луга, гладкая поверхность тихаго озера блестѣла, какъ зеркало; когда вся природа, въ красѣ весны, въ золотѣ заходящаго солнца могла бы приковать мои глаза ко всему, что меня окружало; когда съ шумомъ лѣсовъ она пересылала ко мнѣ слова любви своей, я ничего не слышалъ, не видалъ, — знаешь-ли почему? я спѣшилъ къ тебѣ, Элиза.

Элиза.

И ты думаешь что я забыла это время?

Владиміръ.

Помнишь-ли ты ту бесѣдку въ вашемъ саду? Издалека я уже замѣчалъ, какъ у дверей ея ты манила меня своимъ бѣлымъ платкомъ; въ тотъ-же мигъ шпоры вонзались въ бока моего скакуна — еще одно мгновеніе — и я уже былъ у ногъ твоихъ — счастливый, спокойный, безпечный. Это повторялось всякій день. Та бесѣдка была проста, скромна; виноградныя лозы вились по стѣнамъ ея, хмѣль одѣвалъ ея низкіе своды и скрывалъ нашу любовь, невинную, какъ твое сердце, чистую, какъ жизнь ангеловъ, исполненную надеждъ на счастіе, какъ мысли осьмнадцати-лѣтняго юноши. — Эта бесѣдка, Элиза, украшена всѣми прелестями искуства: здѣсь стѣны выложены мраморомъ, здѣсь золото блеститъ на зеркалахъ, въ которыхъ отражается вся красота твоя; здѣсь всемъ ослѣп-

лястъ роскопіъ, и вычурная нѣга раскидываетъ свои приманчивыя сѣти...... и здѣсь ты ждешь, Элиза! — но ждешь уже не меня.

Элиза.

Владимiръ! ты считаешь меня виновной!.... О, страшная мысль!

Владимiръ.

Когда я взялъ тебя изъ рукъ матери и повелъ къ вѣнцу, когда, послѣ того четыре года сряду, постоянно замѣчалъ твою заботливость, твои старанія къ взаимной нашей радости, нашему блаженству, Богъ свидѣтель, у меня не было этой мысли. Знаешь-ли, когда она пришла мнѣ въ голову? Ты вѣрно помнишь ту минуту. Я никогда ея не забуду. Ты сидѣла у окна, дѣти играли у ногъ твоихъ; я занятъ былъ своимъ дѣломъ, но часто отрывалъ глаза отъ бумагъ, чтобы взглянуть на тебя, какъ будто предчувствуя, что то была послѣдняя минута, въ которую ты вся мнѣ принадлежала. Вдругъ раздался топотъ лошади, скакавшей по камнямъ мостовой — ты посмотрѣла въ окно...... и смотрѣла долго, какъ будто знала, что ѣздокъ воротится. И въ самомъ-дѣлѣ, топотъ повторился снова..... и твое лице покраснѣло такъ, какъ теперь..... И тогда родилась во мнѣ эта мысль. Она теперь созрѣла.

Элиза.

О, Боже! я невинна!

Владимiръ.

Какъ, Элиза? Развѣ здѣсь была Эмилія? Не обманывай меня, не лги передо мною! Это было-бы слишкомъ низ-

ко, — но и не признавайся *(глухимъ голосомъ)* я видѣлъ, *(Элиза падаетъ на колѣни)* я до сихъ поръ наблюдалъ за тобою, какъ твой ангелъ-хранитель, издалека, тайно. Я остерегалъ тебя иногда суровостью, иногда печалью. Теперь я припоминаю тебѣ минувшіе годы, чтобы ты не забыла, какъ дорога ты для меня, и сберегла себѣ цѣну. Не зная еще, до какой степени я несчастливъ, я предваряю тебя, что въ этомъ измученномъ сердцѣ, кромѣ любви къ тебѣ, есть еще другое чувство, страшное, ужасное!.... Помни, Элиза, у насъ есть дѣти,—и эта минута можетъ сдѣлать ихъ сиротами.

Элиза *(бросаясь къ нему).*

Домой, домой, Владиміръ!

(Графъ и Докторъ входятъ).

Графъ.

Какъ? такъ рано?

Элиза *(держась за мужа).*

Я больна, Графъ! Мнѣ надобно домой.

Графъ.

Владиміръ! зачѣмъ-же дѣлать мнѣ такую непріятность! Это вѣрно твой капризъ! — Ужели за неудачу твою въ игрѣ ты захочешь лишить общество его украшенія?

Элиза.

Нѣтъ, Графъ! въ самомъ-дѣлѣ я больна; мнѣ нельзя оставаться.

Графъ *(тихо Владиміру).*

Маіору я заплатилъ; когда у тебя будутъ деньги — отдашъ мнѣ..... Останься!

Владимiръ.

Слышишь, Элиза? Я проигралъ много и Графъ заплатилъ все!

Элиза.

Мнѣ дурно.

Докторъ.

Садитесь, сударыня. *(Подаетъ ей кресло).*

Графъ *(съ упрекомъ).*

Владимiръ!

Владимiръ *(съ нетерпѣнiемъ).*

Графъ!

Графъ *(опомнившись).*

Мнѣ надобно переговорить съ тобою о дѣлѣ очень важномъ. Придешь опять?

Владимiръ.

Зачѣмъ-же не теперь?

Графъ.

Отвези жену домой — она нездорова.

Элиза.

Гдѣ Владимiръ? *(тихо ему).* Уйдемъ отсюда *(Уходятъ).*

Графъ *(въ дверяхъ).*

Карету! карету! *(хочетъ идти за ними, докторъ удерживаетъ его).* Чего вы хотите? Что вамъ нужно?

Докторъ.

Погодите, Графъ! Прежде чѣмъ вы станете говорить съ нимъ, мнѣ надобно поговорить съ вами.

Графъ.

Что-жъ вы скажете мнѣ?

Докторъ.

Я былъ другомъ вашего отца.....

Графъ.

Ну? знаю!

Докторъ.

Этотъ бѣднякъ, что вышелъ отсюда — мой питомецъ: я нашелъ его на улицѣ, воспиталъ, и люблю какъ сына.

Графъ.

Чтожъ изъ этаго?

Докторъ.

А вотъ что: вы, Графъ, молодой человѣкъ, одаренный умомъ, ловкостію, привлекательной наружностью, богатствомъ, съ знатнымъ именемъ, вы подружились съ бѣднымъ человѣкомъ, у котораго прекрасна жена, доставили ему выгодное мѣсто, окружаете ихъ всѣми прелестями жизни. Какъ другъ вашего отца, я долженъ вамъ сказать, что вы поступаете неблагородно, безсовѣстно: вы прикрываете цвѣтами стыдъ ихъ, и рукой, сыплющей золото, разрушаете тихій пріютъ ихъ счастія и спокойствія.

Графъ.

Сдѣлай милость, старикъ, оставь свое краснорѣчіе. Это нравоученіе ничто иное, какъ пустая болтовня, а вѣдь тамъ цѣлое общество безъ хозяина.

Докторъ.

Пусть лучше толпа тунеядцевъ и развратниковъ останется безъ хозяина, чѣмъ сердце безъ узды разсудка!

Графъ! ваше сердце влечетъ васъ къ гибели! оно стремится въ такую бездну, откуда нѣтъ возврата. Спрашиваю васъ, что вы хотите сказать Владиміру?

Графъ.

Дѣло очень важное для меня и для него. Я хочу съ нимъ раздѣлаться какъ честный человѣкъ.

Докторъ.

Послушайте, Графъ! это дѣло такого рода, что въ немъ счастіе одной стороны и совѣсть другой не могутъ остаться безъ поврежденія и увѣчья.

Графъ *(беретъ шляпу)*.

А на что жъ у тебя докторской перстень? Будешь лечить.

Докторъ.

Не стыдно-ли вамъ, Генрихъ? И въ эту минуту вы хотите отдѣлаться такою неумѣстною шуткою! Могъ-ли я надѣяться, что вы, сынъ благороднѣйшаго отца, будете развратникомъ, для котораго счастіе и честь ближнихъ самая неважная мелочь? — Вы надѣетесь на ваши милліоны, на то, что десятерымъ вамъ подобнымъ удалось: - берегитесь, Генрихъ! вы одинадцатый можете за всѣхъ расплатиться. Хорошо-ли вы знаете человѣка, котораго такъ оскорбляете? Онъ всѣ свои надежды, всѣ мысли, чувства слилъ въ одну любовь къ Элизѣ, и вы хотите отнять у него эту единственную драгоцѣнность! Берегитесь, Графъ! Тотъ, кто умѣетъ любить такъ пламенно, не можетъ мстить однимъ холоднымъ презрѣніемъ. Я хорошо знаю Владиміра,

вижу непреклонность вашего намѣренія, и, признаюсь, мнѣ жаль васъ обоихъ.

Графъ.

Тѣмъ скорѣе мнѣ надобно говорить съ нимъ. Ты уже устарѣлъ, чувства твои, порывы души твоей угомонились подъ гнетомъ этаго изношеннаго тѣла, и ты не можешь быть моимъ судьею. Я не хочу умствовать, страсть не терпитъ докучныхъ разсужденій, да и всякая логика будетъ противъ меня. Но хочешь ли ты знать состояніе моей души? Я тебѣ ее открою: я люблю Элизу больше жизни, больше всего на свѣтѣ. Вотъ что я хотѣлъ сказать и ему. Онъ долженъ узнать это отъ меня, и тогда будетъ въ его власти отвратить или уничтожить зло, хотя бы вмѣстѣ со мною.... Я готовъ на все!.... Что жъ ты качаешь головою? — да, я былъ преступникомъ тогда, какъ дерзнулъ обратить глаза мои на эту женщину. Она составляла единственное счастіе честнаго человѣка! я былъ преступникомъ, когда не избѣгалъ тѣхъ прелестей, которыя теперь такъ далеко завлекли меня. Но теперь виновенъ-ли я? ты можешь укорять человѣка, который неосторожно бѣжитъ на краю пропасти; но когда онъ уже потерялъ равновѣсіе, его-ли вина, что онъ не можетъ удержаться въ воздухѣ, что глубокая бездна тянетъ его къ себѣ непреодолимою силою, что паденіе его неизбѣжно? — Вотъ мое положеніе! Теперь суди меня, какъ хочешь. Если тебѣ угодно, употреби даже всѣ средства, чтобы отвратить несчастіе, которое ты предвидишь. Я не сдѣлаю ни шагу назадъ, потому что не я одинъ буду несчастливъ.... она меня любитъ *(уходитъ)*.

Докторъ.

Бѣдная, несчастная Элиза! но теперь не время жалѣть и плакать. Надобно ихъ спасти. Что же мнѣ дѣлать?.... Безсильное искуство, — у тебя едва достаетъ средствъ къ исцѣленію тѣлесныхъ недуговъ, но больной душѣ возвратить силы, призвать назадъ убѣгающій разсудокъ, утишить бурю, терзающую сердце, о! чего бы я не далъ, что бы въ рукахъ моихъ было такое искуство хоть на одну минуту! *(подумавъ)* Увезти ихъ?... Пусть бѣгутъ отсюда. Тогда только это одно можетъ сохранить ихъ покой, спасти честь. Пожертвую всѣмъ, что имѣю, лишь бы имъ уѣхать отсюда. Но согласится ли она съ твердою рѣшимостью на это средство? О! она должна согласиться! Но если нельзя уже спасти ее?... Нѣтъ нѣтъ! это невозможно! Такъ ли скоро падаютъ ангелы? Боже мой! вотъ до чего доводитъ беззаботная праздность! вотъ куда доводятъ благодѣянія богача, дѣланныя не съ чистымъ намѣреніемъ. Но Богъ съ вами, прекрасныя истины, — вы вѣчно прекрасны, а свѣтъ всегда пороченъ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Королевы.

Николай *(сидитъ въ креслѣ и дремлетъ)*.

Владиміръ *(входитъ поспѣшно и слегка треплетъ его по плечу)*.

Николай!

Николай.

Сей часъ, сей часъ, — прикажете раздѣваться?

Владимiръ.

Протри глаза. Баринъ дома?

Николай.

А! это вы сударь? не видали-ли гдѣ нибудь моего старика? Ну, ужъ правду сказать, кому хочется не знать ни дней, ни ночей, пусть идетъ послужить у Доктора.

Владимiръ.

Гдѣ ключи отъ этаго шкафа?

Николай.

Отъ этаго шкафа? А для чего вамъ это? тамъ такiя лакомства, въ которыхъ мало проку.

Владимiръ.

Чувствовалъ ли ты когда нибудь здѣсь боль, такую боль, которая разрываетъ сердце и превосходитъ всѣ пытки, всѣ муки, какими терзаютъ и увѣчатъ твое тѣло? На эту боль есть здѣсь лекарство. Я знаю, гдѣ оно лежитъ. Отпирай!

Николай.

Да Богъ съ вами, у меня ключей нѣтъ; а еслибъ и были, я бы вамъ ихъ не далъ. — Двадцать лѣтъ я васъ знаю, — вотъ этакимъ мальчикомъ вы были, когда я водилъ васъ въ школу. Но никогда еще, признаюсь, я не видалъ васъ съ такимъ лицемъ, какъ теперь. Смотря на

васъ, можно подумать, что вы тамъ на лѣстницѣ съ нечистымъ встрѣтились.

Владимiръ.

Отпирай, старикъ, у меня боль нестерпимая. —

Николай.

Убирайтесь вы съ вашей болѣзней! Идите-ка лучше спать съ Богомъ.

Владимiръ *(отрываетъ дверь шкафа)*.

Николай.

Что вы дѣлаете? Опомнитесь! — Вотъ тебѣ-на; замка какъ будто не бывало!

Владимiръ *(вынимаетъ склянку)*.

Вотъ онъ! Теперь никакая сила у меня его не отниметъ. О! теперь я безопасенъ, силенъ, могучъ! — Да, я могучь, какъ плѣнникъ, надъ которымъ насмѣхался неблагородный врагъ, плѣнникъ, который вдругъ увидѣлъ что его руки свободны, что цѣпи его перемѣнились въ оружiе. О! какъ онъ счастливъ! — Онъ можетъ отомстить! *(уходитъ)*.

Николай.

Господи, Твоя воля! не сонъ-ли это? Или вправду онъ отсюда вышелъ, разбилъ шкафъ и говорилъ здѣсь какъ сумашедшiй? . . . . . да, шкафъ отпертъ, и я не сплю. Плохое дѣло! Хоть-бы старикъ мой скорѣе воротился; вдвоемъ все какъ-то веселѣе; а впрочемъ, лучше запереть двери: одинъ пришелъ съ чахоткою въ сердцѣ и разбилъ шкафъ съ лекарствами, другой придетъ, пожалуй, съ ча-

хоткою въ карманѣ и разобьетъ шкатулку. Къ чорту всѣ такіе паціенты! *(стучатъ)* Кто тамъ?

Докторъ.

Отопри.

Николай.

А! это мой старикъ. *(Докторъ входитъ)* Хорошо, что вы пожаловали.

Докторъ.

Пора, я думаю.

Николай.

Пора бы уже выходить изъ дому, а не возвращаться, вѣдь ужъ день.

Докторъ.

Лекарю, любезный, нельзя располагать своимъ временемъ.

Николай.

Точно также, видно, какъ лекарскому слугѣ своею подушкою?

Докторъ.

Что это? кто отперъ мой шкафъ?

Николай.

Это паціентъ, который самъ себѣ прописалъ рецептъ, отперъ шкафъ и вынулъ лекарство.

Докторъ.

Кто такой?

Николай.

Да кто же, какъ не Владиміръ.

Докторъ (*на скоро пересматриваетъ склянки*).

Нѣтъ . . . . . нѣтъ . . . . . нашелъ, унесъ! Господи! — Послушай, старикъ, — не принималъ онъ этаго лекарства? Ну говори же!

Николай.

Нѣтъ, не принималъ. — Онъ сказывалъ только, что у него что-то — такое болитъ, прижималъ къ груди своей склянку, будто пластырь, болталъ, Богъ знаетъ, что — и убѣжалъ какъ сумасшедшій. —

Докторъ.

Шляпу и палку скорѣе!

Николай.

Господи, Твоя воля! — Спать вамъ пора.

Докторъ.

Несчастіе не спитъ (*уходитъ*).

Николай.

Съ вашего позволенія, старый Докторъ, теперь я не останусь одинъ, да и васъ одного не пущу (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Комната Графа.

Графъ (*входя, складываетъ и прячетъ письмо*).

Безцѣнная Элиза! ты хочешь подать мнѣ примѣръ мужества, ты требуешь, чтобъ я отъ тебя отказался; нѣтъ!

никогда! я вполнѣ цѣню все величіе твоихъ добродѣтелей, но подражать тебѣ не могу и не стану. Ты приказываешь щадить твое спокойствіе, — о! не бойся! до сихъ поръ ничто еще не могло довесть меня до низости. Кто же запретитъ мнѣ употребленіе такихъ средствъ, за которыя совѣсть никогда не упрекнетъ меня. *(Ходитъ взадъ и впередъ).* Однакожъ рѣшительная минута приближается, — и мнѣ становится нестерпимо грустно. — Предпріятіе, казавшееся мнѣ столь простымъ, обыкновеннымъ, принимаетъ совершенно противный видъ, и все зданіе моихъ надеждъ быстро разрушается. И въ самомъ дѣлѣ — мужу, такъ пламенно обожающему жену свою, такъ крѣпко привязанному къ ея сердцу, — такому мужу сказать: отдай мнѣ ее, и вотъ тебѣ въ замѣнъ деньги! — Да, въ самомъ дѣлѣ, это гнусно, безчеловѣчно! — Неужели я доведенъ до такой крайности? — Неужели у меня не достанетъ силъ отказаться отъ счастія, котораго я могу достигнуть только преступленіемъ? Не долженъ-ли я бѣжать этихъ мѣстъ, околдованныхъ ея взглядомъ? Удалиться отъ нея навсегда, навсегда. — Но съ другой стороны, какова-же будетъ ихъ жизнь? Мое пожертвованіе возвратитъ-ли имъ спокойствіе? Отдастъ-ли оно взорамъ ея прежнюю прелесть прежнее довѣріе ея ласкамъ? Нѣтъ! ея душа полетитъ за мною, а въ его рукахъ останется что же? Одна прекрасная статуя, безъ чувства и мысли. Покрайней мѣрѣ онъ такъ будетъ думать, и что разувѣритъ его въ этомъ? — Да, зло сдѣлано, увеличиться уже не можетъ! Все это такъ, но ктоже этотъ преступникъ? я? заключенія мои основательны; но кто-же на днѣ этой премудрости? Опять я? Вотъ ужасная мысль, которой ядовитая сила разрываетъ

грудь мою! (*садится*) однакожъ въ такомъ положенiи оставить дѣла невозможно! Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что другаго средства нѣтъ—развѣ вызвать на дуэль моего противника—и убить его? никогда! и что выйдетъ изъ этого? могу ли я предложить Элизѣ свою руку, если она будетъ омочена кровью ея мужа? Это ужасно! (*задумывается*).

Лакей (*входитъ*).

Графъ.

Что ты?

Лакей.

Владимiръ. . . . .

Графъ.

Знаю. . . . ступай прочь. . . . (*бѣжитъ къ дверямъ. Владимiръ входитъ*). Здравствуй, мой другъ!

Владимiръ. (*останавливается*).

Позвольте!—Наша дружба кончалась долго, едва-ли не съ самаго рожденiя, наконецъ вчера отошла. Оставимъ ее въ покоѣ. Вы меня звали. Что вамъ угодно?

Графъ.

Садись. Владимiръ, ты говоришь мнѣ съ огорченiемъ,—не скрою—я заслуживаю твои упреки,—я виноватъ. Но если бы ты зналъ, чего мнѣ стоитъ сообщить тебѣ мои мысли, ты-бы подумалъ: въ его сердцѣ есть еще благородныя чувста; онъ также несчастливъ, какъ я.

Владимiръ.

Нѣтъ, не такъ.

Графъ.

Прежде всего, я прошу тебя, будь хладнокровенъ и выслушай меня терпѣливо.

Владиміръ.

Мое терпѣніе доходило до низости; за это-то я и наказанъ теперь.

Графъ.

Владиміръ! твоя жена невинна. Если бы я хотѣлъ только обольстить ее, можетъ быть, мнѣ удалось бы и обмануть тебя и достигнуть цѣли. Но во мнѣ не минутная, не переходчивая страсть, я люблю твою жену не меньше, чѣмъ ты самъ ее любишь.

Владиміръ.

Такъ убей-же меня и возьми ее себѣ, или я размозжу тебѣ голову!

Графъ.

А твои дѣти, Владиміръ? Ты накажешь меня, законъ тебя накажетъ, а она не переживетъ насъ обоихъ.

Владиміръ. *(глухо).*

Говори-же, чего ты хочешь? Тетерь я могу слушать тебя съ такимъ-же терпѣніемъ, съ какимъ дозволилъ злу вкрасться въ мой домъ, отравить источникъ моей радости и потушить свѣтильникъ моего блаженства. *(Бросается въ кресло).*

Графъ.

При первой встрѣчѣ моей съ Элизою, меня поразила ея красота; въ то-же время родилась у меня мысль—позна-

комиться съ нею; я думалъ найти въ этомъ новую игрушку и удовольствіе отъ праздности и скуки. Я съ вами познакомился, сблизился, увидѣлъ бѣдность вашего состоянія, и тогда-то сталъ употреблять все искуство, всю хитрость, чтобы заставить васъ принимать мои подарки. Сначала это забавляло меня; но очарованіе увеличивалось-и вскорѣ шутка перешла въ преступное желаніе. Богъ свидѣтель, я боролся съ самимъ собою,-но ни видъ вашего счастія, ни эта смертельная борьба не могли излечить моего сердца: непонятная сила влекла меня къ задуманной цѣли. О! какъ я завидовалъ тебѣ, когда среди моего разсѣянія и вашихъ удовольствій Элиза всегда была возлѣ тебя, когда нѣжнымъ взоромъ или очаровательной улыбкой она покупала у тебя малѣйшій знакъ твоего ко мнѣ расположенія. Ревность мучила меня, но я не смѣлъ тебя ненавидѣть. Наконецъ настали рѣшительныя минуты: я увидѣлъ, что ея счастіе и спокойствіе погибли безвозвратно. Владиміръ! вооружись всемъ твоимъ мужествомъ,-ты долженъ услышать тяжкую вѣсть: Владиміръ! она меня любитъ!

Владиміръ.

Доказательство! какое у тебя доказательство?

Графъ.

Читай!

Владиміръ *(беретъ письмо, хочетъ читать, но нерѣшившись отдаетъ назадъ).*

Это превышаетъ мои силы!

Графъ.

Читай смѣло. Если бы это письмо не было доказательствомъ добродѣтели, я-бы тебѣ не показалъ его.

Владимiръ (*читаетъ*).

Сохраните, Графъ, мое спокойствiе и мою честь; бѣгите отъ меня,-я заклинаю васъ всемъ, что для васъ свято? Я побѣдила себя-я не увижу васъ болѣе! Неужели вы, мужчина, имѣете менѣе твердости, нежели я? (*помолчавъ*) Да, это правда, она не переживетъ насъ обоихъ.

Графъ.

Подумай, Владимiръ, нѣтъ ли средства помочь злу.

Владимiръ.

Я знаю одно: умереть.

Графъ.

Есть другое, Владимiръ. Оно труднѣе, но благороднѣе: быть великимъ, быть нашимъ другомъ, благодѣтелемъ, творцемъ нашего счастiя. Владимiръ! вотъ завѣщанiе для твоихъ дѣтей:—полмилліона на троихъ. А здѣсь вотъ деньги на разводъ. Чтожъ? ты не отвѣчаешь?

Владимiръ.

Случалось-ли тебѣ когда услышать роковое слово, которое такъ отзывается въ душѣ, какъ отозвался-бы похоронный колоколъ въ ушахъ мертвеца, если-бъ онъ могъ его слышать,-слово, котораго отголосокъ продолжается на всю жизнь, вторится при каждомъ ударѣ пульса и

приходитъ на умъ съ каждою мыслiю? Такихъ словъ не много, и на нихъ нѣтъ отвѣта.

ГРАФЪ.

Если бы я одинъ любилъ, еслибъ мнѣ только пришлось быть несчастнымъ, — вѣрь, Владимiръ! я скорѣе-бы умеръ, чѣмъ потребовалъ-бы отъ тебя такого пожертвованiя.

ВЛАДИМIРЪ.

Такъ развѣ необходимо для ея счастiя, чтобъ она не мнѣ принадлежала? О, если такъ, разводъ неизбѣженъ? *(потупивъ глаза)* Да, и онъ совершится!-Принимаю договоръ. Гдѣ бумаги?-Вы уже условились между собою?

ГРАФЪ.

Я прощаю тебѣ этотъ вопросъ: ты слишкомъ несчастливъ.

ВЛАДИМIРЪ.

Да я очень несчастливъ.

ГРАФЪ.

Это письмо доказываетъ тебѣ, что она ничего не знаетъ.

ВЛАДИМIРЪ.

Это письмо доказываетъ только, что она тебя любитъ. Разводъ? да, другаго средства нѣтъ. Я буду ожидать тебя. Приходи скорѣе, у меня не станетъ силъ сказать ей: я продалъ тебя за полмиллiона. Твои взоры, твой голосъ, твое краснорѣчiе скорѣе убѣдятъ ее разорвать узы супружества, оставить мужа безъ утѣшенiя и дѣтей безъ матери *(беретъ бумаги и уходитъ)*.

Графъ.

Что говорилъ онъ? Ужели это голосъ отчаянія? Я не думалъ, чтобъ онъ такъ скоро согласился.... Мое сердце истерзалось. Нѣтъ, Элиза, я тебя такъ не оставлю! *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ домѣ Владиміра.

Элиза *(входитъ).*

Уже семь часовъ, городъ приходитъ въ движенье послѣ сна и отдыха; все возвращается къ заботамъ и трудамъ. Я одна не могла уснуть. Сонъ мой изчезъ вмѣстѣ съ спокойствіемъ души, чистотою мыслей, и работа не идетъ: рвется нить, иголка не слушается, какъ въ рукахъ пятилѣтней дѣвочки *(оставя работу, отходитъ отъ окна).* Гдѣ-же Владиміръ? Онъ проводилъ меня только до дверей; ушелъ, не пожавши руки моей, не сказавши ни слова. Не ужели мнѣ снилось, что Генрихъ приглашалъ его къ себѣ? Бывало, когда мы возвращались съ бала, съ какимъ удовольствіемъ онъ воспоминалъ мой нарядъ, мою ловкость, даже мои успѣхи.... Ахъ! тогда онъ слѣдилъ за мною глазами любви. Теперь я не заслуживаю ея. Могутъ-ли чувства дружбы и уваженія, еще не угасшія въ моемъ сердцѣ, замѣнить пламенную любовь, которой онъ желаетъ и на которую имѣетъ право? Боже мой! здѣсь

обязанность, тамъ непонятная прелесть увлекали мою душу. Но благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силы преодолѣть себя. Все кончено: цвѣтистая цѣпь упала съ рукъ моихъ; я сорвала съ глазъ моихъ покрывало, сквозь которое грѣхъ и преступленіе представлялись мнѣ въ одеждѣ невинности; я увидѣла ихъ ужасный образъ и отвратила отъ нихъ взоръ мой на-всегда. Возвратись скорѣе, мой Владиміръ. Приди принять вторичную клятву въ любви и вѣрности отъ обращенной жены твоей (*вслушивается*). Идетъ. Давно я съ такою радостью не ждала его. Прежнія впечатлѣнія возвращаются. О! Богъ милостивъ! можетъ быть, прежнее спокойствіе и счастіе поселятся снова подъ этой кровлей. Боже мой! Это не онъ!

Докторъ (*входитъ и садится*).

Элиза.

Здравствуйте, Докторъ. Отчего вы такъ устали, такъ блѣдны?

Докторъ.

Я уже два раза былъ у дверей вашихъ — его все нѣтъ.

Элиза.

Мужа моего?

Доктогъ.

Когожъ-бы вы думали, сударыня!

Элиза (*въ смущеніи*).

Онъ довелъ меня до дверей и ушелъ, не знаю куда.

Докторъ.

И вы ждете его такъ спокойно?

Элиза.

Развѣ я имѣю причину безпокоиться?

Докторъ.

Имѣете-ли вы право не безпокоиться? Знаете-ли вы, сударыня, сколько несчастія можетъ случиться въ одну минуту?

Элиза.

Вы меня пугаете. Развѣ вы знаете что нибудь?

Докторъ.

А вамъ развѣ ничего не извѣстно?

Элиза.

Боже мой? Кажется, тогда, какъ мнѣ сдѣлалось дурно, Графъ звалъ его къ себѣ.

Докторъ.

Вотъ до чего можно дойти, обращая въ игрушку наши обязанности, святость которыхъ должна внушать полное къ нимъ уваженіе. Жизнь, Милостивая Государиня, есть храмъ, въ которомъ Божество всегда присутствуетъ. Здѣсь забавляться нельзя. Вашего мужа нѣтъ, и всякая минута наводитъ на меня ужасъ.

Элиза (*накидывая манто*).

Прощайте!

Докторъ.

Куда?

Элиза.

Жестокіе! вамъ такъ легко растерзать сердце женщины!

Докторъ.

Что вы хотите дѣлать?

Элиза.

Брошусь между ихъ оружія: пусть чрезъ эту грудь пройдетъ желѣзо прежде, чѣмъ коснется оно сердца котораго-нибудь изъ нихъ!

Докторъ.

Котораго-нибудь изъ нихъ!

Элиза.

Гдѣ жъ онъ? говорите! *(Владиміръ входитъ)*. Ахъ, Владиміръ! ты здѣсь? *(Владиміръ, не допуская ея къ себѣ, отворачивается)* Боже мой! *(отходитъ въ сторону)*.

Докторъ *(отводитъ Владиміра въ сторону)*.

Что ты задумалъ?

Владиміръ.

Элиза!

Элиза *(робко подходя къ нему)*.

Мужъ мой!

Владиміръ.

Ступай простись съ дѣтьми, — чрезъ часъ мы ѣдемъ.

Элиза.

Куда?

Владиміръ.

Простись съ дѣтьми, говорю я тебѣ — и оставь насъ.

Элиза *(уходитъ въ слезахъ)*.

Докторъ.

Владиміръ! ты заслуживаешь, чтобы и я также оставилъ тебя самому себѣ.

Владимiръ.

Я и думаю помочь себѣ самъ.

Докторъ.

Воинъ носитъ оружiе для защиты своего отечества отъ враговъ его; онъ тогда только можетъ употребить его, когда законъ дастъ ему на это право. Но кинжалъ, но ядъ противъ себя или другихъ, — его носитъ съ собою только одинъ разбойникъ.

Владимiръ.

Истинная правда.... значитъ тебѣ извѣстно, что я разбилъ твой шкафъ? Но это была минутная мысль, дикая, какъ то чувство, которое тогда мною овладѣло. Да, мой другъ, ты меня знаешь хорошо, и легко повѣришь, что такому человѣку, какъ я, должна была придти въ голову мысль. — Полгода прожилъ я въ безпрерывной борьбѣ: сомнѣнiе и ревность волновали мою душу. Ахъ, какъ томителенъ былъ этотъ ядъ! Наконецъ, вчера я увидѣлъ себя на краю пропасти: я почувствовалъ, что грудь моя переполнилась, и боль, которую такъ долго я таилъ, стала для меня нестерпима; въ эту-то минуту я вооружился оружiемъ, которое ты называешь разбойничьимъ. Но извини, старикъ! Я его считаю лекарствомъ, — и вы иногда употребляете его; вся разница въ количествѣ: для недуга тѣла нѣсколько гранъ меньше, для болѣзни души нѣсколько гранъ больше.

Докторъ.

Сумасшедшiй.

Владимiръ.

И въ самомъ дѣлѣ я былъ тогда близокъ къ сумасше-

ствію. Но успокойся, благодѣтель! все прошло уже: я опомнился, увидѣлъ, что есть другія средства спасти себя, и рѣшился прибѣгнуть къ тому, о которомъ ты мнѣ намекнулъ когда-то. Я оставляю этотъ городъ: удалюсь отсюда, бѣгу—куда? и самъ не знаю. Но тѣмъ лучше, чѣмъ дальше отъ пагубнаго соблазна.

Докторъ.

Ну, слава Богу! — это дѣло. Такова была и моя мысль. Надѣюсь, что и она согласится охотно; если же нѣтъ, то и на это найдутся средства.

Владиміръ.

Она согласится, я не сомнѣваюсь. Но дѣтей взять съ собою я не могу. Моя поѣздка должна быть поспѣшна, скрытна. Тебѣ только будетъ извѣстно, въ какомъ уголкѣ земли скрою стыдъ свой.

Докторъ.

Умно; ты задумалъ дѣльно.

Владиміръ.

Что-жъ тутъ удивительнаго? Ревность гораздо изобрѣтательнѣе и хитрѣе самой любви: здѣсь дѣло идетъ о моей чести, о счастіи ея уже не говорю; но когда кораблекрушеніе неизбѣжно, не благоразумнѣе ли спасать то, что еще можно спасти; иначе, стараясь сохранить все, можно всего лишиться..... О, чего-бы я не далъ, если бы могъ возвратить для себя тѣ сладкія минуты, когда она привѣтствовала меня улыбкою радости, когда пересказывала мнѣ лепетъ нашихъ малютокъ, когда въ тишинѣ сумрака позволяла мнѣ положить голову на ея колѣняхъ и пре-

даться сладкой дремотѣ. — О! это былъ сонъ, но развѣ сонъ не жизнь? развѣ за него мы не должны благодарить небо?... Теперь иныя заботы: все зависитъ отъ тебя.

Докторъ.

Не нужны-ли тебѣ деньги? — Все, что я имѣю — твое.

Владимiръ.

Благодарю. Говорятъ нѣтъ худа безъ добра. Въ самомъ дѣлѣ и несчастіе можетъ быть полезно хоть тѣмъ, что оно открываетъ намъ истинныхъ друзей. Деньги у меня есть. Послѣ однако жъ, если мнѣ надобно будетъ остаться по-долѣе за границей, ты позволишь мнѣ обратиться къ тебѣ.

Докторъ.

Я всегда буду готовъ помочь тебѣ.

Владимiръ.

Теперь нуженъ паспортъ для меня и Элизы, но подъ чужимъ именемъ. Назови меня, какъ хочешь; у меня голова занята другимъ, и самъ я этого не придумаю. Уладь только такъ, чтобъ она ѣхала со мной подъ именемъ сестры моей. Такимъ образомъ мнѣ легче будетъ обмануть Графа. У тебя обширныя связи, и ты можешь безъ труда мнѣ исходатайствовать это.

Докторъ.

Хорошо — могу.

Владимiръ.

Только сегодня. О, еслибъ ты зналъ, какъ меня давитъ этотъ воздухъ.

Докторъ.

Понимаю; у тебя будетъ паспортъ сегодня-же.

Владиміръ.

Теперь еще одно благодѣяніе, и важнѣе всѣхъ.

Докторъ.

Что-же? говори.

Владиміръ.

Будь опекуномъ дѣтей моихъ.

Докторъ.

Они будутъ моими. Это само-собою разумѣется.

Владиміръ.

Вотъ довѣренность, которая даетъ тебѣ полную власть.

Докторъ.

Кчему эти формы? развѣ ты ужъ не думаешь возвратиться?

Владиміръ.

Я рѣшился не возвращаться до тѣхъ поръ, пока минуетъ опасность. Впрочемъ, можно-ли что нибудь утвердительно сказать о завтряшнемъ днѣ? Каждая минута жизни—новая волна, которая можетъ поглотить человѣка или разрушить всѣ его надежды.

Докторъ.

Отдай мнѣ, Владиміръ, что ты у меня похитилъ.

Владиміръ.

О, еслибъ кто отдалъ мнѣ то, что потерялъ я!—Пусть

это лекарство останется у меня: употреблять его я не буду до тѣхъ поръ, когда всякое другое средство сдѣлается безполезнымъ; когда безотрадная жизнь превратится въ тяжкое бремя, которое одолѣетъ мои силы; или когда, — зачѣмъ скрывать отъ тебя? — когда настанетъ часъ моего лишенія! — Кто знаетъ? Онъ можетъ насъ найти, обольстить ее, похитить у меня, — тогда, о, клянусь Богомъ! я отмщу ему. —

Докторъ.

Отдай, Владимiръ.

Владимiръ.

Если хочешь возьми; но смотри: вотъ вексель въ двадцать тысячь; покоя и счастья не купишь за деньги, но ядъ найдется вездѣ.

Докторъ.

Какъ знаешь, — Богъ съ тобою! Однакожъ не слѣдовало бы..... но, по крайней мѣрѣ, даешь-ли мнѣ слово, что только въ крайности....

Владимiръ.

Спѣши, добрый старикъ, спѣши проводить насъ за городъ, тамъ я отдамъ тебѣ, тамъ...... ужъ нѣтъ его.....

Докторъ *(идетъ)*.

Помни-жъ *(возвращается)*. Есть у тебя коляска?

Владимiръ.

Да, объ этомъ я и не подумалъ.

Докторъ.

Возьми мою, она прочна и покойна; спѣши, мой другъ; дѣтей твоихъ я не оставлю. Но ты будешь писать ко мнѣ

часто, не правда-ли? Постой, нужно-бы придумать адресъ, — но объ этомъ послѣ. До свиданія *(возвращается)*. Владиміръ! мой добрый Владиміръ! ахъ, какъ-бы я желалъ увидѣть тебя спокойнымъ и счастливымъ! *(уходитъ)*.

Владиміръ.

Спокойнымъ и счастливымъ! да, спокойнымъ могу быть скоро, счастливымъ *(вздрогнувъ)* — не знаю. Добрый старикъ! онъ не оставитъ моихъ дѣтей *(ставитъ два серебряные кубка на столъ)*. Василій!

Василій *(входитъ)*.

Что прикажете?

Владиміръ.

Половину этаго лекарства влей въ который-нибудь изъ этихъ кубковъ, понимаешь, въ одинъ, послѣ нальешь полно воды въ оба *(отдаетъ ему склянку и отворачивается)* что? готово?

Василій *(сдѣлавши, что приказано, возвращаетъ склянку)*.

Готово.

Владиміръ *(прячетъ склянку.)*

За сколько мѣсяцевъ слѣдуетъ тебѣ жалованья?

Василій.

За три, сударь.

Владиміръ.

Вотъ твои деньги.

Василій.

Здѣсь больше. Вы не ошиблись?

Владиміръ.

Ничего, сочтемся послѣ; ступай теперь на почту и спроси лошадей.

Василій.

Прикажете и мнѣ собираться съ вами?

Владиміръ.

Ты останешься, — будь вѣренъ; — прощай, добрый Василій.

(Василій уходитъ).

Владиміръ *(накрываетъ кубки салфеткой).*

Теперь я жду тебя, мой почтенный гость! ты шутилъ моимъ счастіемъ . . . . я пошучу теперь твоею жизнію, — а можетъ быть, и своею. Что нужды! Та самая судьба, которая положила въ колыбель твою милліоны, пусть управляетъ теперь этимъ роковымъ выборомъ.

Элиза *(входитъ и останавливается вдали).*

Ты одинъ?

Владиміръ.

Одинъ, въ полномъ смыслѣ одинъ.

Элиза.

Я не смѣю приблизиться къ тебѣ.

Владиміръ.

Ты справедлива къ себѣ.

Элиза.

Я была виновна.

Владимiръ.

Ты была?

Элиза.

Да, вѣрь мнѣ.

Владимiръ.

Довѣрiе, Элиза, все равно, что жизнь, что честь; потерять его можно одинъ только разъ.

Элиза.

И такъ для меня уже нѣтъ надежды?

Владимiръ.

Для меня нѣтъ, — для тебя есть еще.

Элиза.

Безъ твоего уваженiя?

Владимiръ.

Можетъ быть, и безъ уваженiя Графа, но въ его объятiяхъ.

Элиза.

О! я очень несчастлива!

Владимiръ.

А я? Если бы ты могла даже принадлежать мнѣ, то кто возвратитъ мнѣ уваженiе твоего сердца? ты забыла, Элиза, что это драгоцѣннѣйшее приданое, которое жена приноситъ своему мужу. Кто мнѣ возвратитъ довѣрiе къ твоей добродѣтели, когда для внутренняго обожателя, который поклонялся твоей красотѣ, ты разтерзала сердце мужа, который чтилъ твою душу.

Элиза.

Я не увижу его больше *(Графъ входитъ)*.

Владимiръ.

Вотъ онъ: ты уже не моя.

Элиза.

Лучше умереть.

Владимiръ.

Войдите, Графъ. Благодарю васъ, что вы сдержали свое слово *(идетъ къ дверямъ и запираетъ ихъ)*. Переговорите между собою, я пойду взглянуть еще на дѣтей *(уходитъ)*.

Графъ.

Элиза! что онъ тебѣ сказалъ?

Элиза.

Что долженъ сказать. Оставьте меня. Ступайте отсюда.

Графъ.

Я приготовилъ тебѣ убѣжище въ монастырѣ, пока не выйдетъ разводъ.

Элиза *(съ ужасомъ)*.

Разводъ!

Графъ.

Мужъ твой на все согласенъ.

Элиза.

У меня голова кружится *(падаетъ въ кресла)*.

Графъ.

Сжалься надо мною, Элиза!

Владимiръ *(входитъ)*.

Ужасный, душу раздирающiй видъ! . . . . Спятъ, спятъ такъ тихо, какъ будто ангелы-хранители осѣнили ихъ сво-

имъ покровомъ; румянецъ жизни и здоровья играетъ на цвѣтущихъ ихъ личикахъ, улыбка невинности на ихъ розовыхъ губкахъ . . . . . О! будь готовъ, обольститель! Одинъ изъ насъ не выйдетъ отсюда.

Графъ.

Я готовъ, но зачѣмъ ты измѣняешь договоръ?

Владимiръ.

Зналъ-ли ты, съ кѣмъ имѣлъ дѣло? Если я такъ долго молчалъ, ты и подумалъ, что я позволю отнять у себя ту, которая составляла единственное благо моей жизни? Меня нашли на улицѣ; меня прiютили руки милосердiя, мнѣ не знакóмъ голосъ отца, улыбка матери, ласки сестеръ. Она замѣняла мнѣ ихъ всѣхъ; я любилъ ее и привязанностiю сына, и дружбою брата, и любовью мужа; а ты думалъ, что я продамъ ее тебѣ за деньги? Она тебя любитъ; ты возьмешь ее, но вмѣстѣ съ моею жизнiю! Элиза, доверши, что начала ты: въ эту минуту у насъ будутъ два праздника вмѣстѣ: разводъ и сватьба *(открываетъ кубки)*. Вотъ угощенiе, будь-же хозяйкой. Въ одномъ изъ этихъ кубковъ есть ядъ. Избирай,—и пусть твое сердце управляетъ твоею рукою; можетъ быть, выборъ падетъ на меня.

Элиза.

Убей меня!

Владимiръ.

Не отказывайся Элиза! Это рѣшено. Вы еще въ моемъ домѣ; здѣсь я хозяинъ,—и нѣтъ силы, которая бы вырвала васъ изъ моихъ рукъ.

Графъ

Ты съ ума сходишь; я тебѣ сказалъ, что я готовъ. Зачѣмь

же ее ты мѣшаешь въ это дѣло? — оно должно кончиться между нами. Если хочешь избирай оружіе — я согласенъ.

Владиміръ *(показывая на кубки).*

Вотъ мое оружіе.

Графъ *(беретъ одинъ кубокъ и пьетъ; Элиза, вскрикнувъ, протягиваетъ руку, желая удержать руку Владимира, но, ослабѣвъ, падаетъ на колѣна).*

Владиміръ.

Теперь моя очередь *(пьетъ).*

Графъ и Владиміръ *(долго смотрятъ другъ на друга, Элиза молится и взглядываетъ съ ужасомъ то на одного, то на другаго).*

Графъ *(торжественно).*

Ты захотѣлъ, — свершилось! Кому же изъ насъ двоихъ назначено умереть!

Владиміръ.

Не знаю.

Графъ.

Дай руку мнѣ, Владиміръ. Мы сошлись въ одномъ чувствѣ и не должны разставаться врагами. Если я долженъ умереть, пусть по крайней мѣрѣ, ненависть твоя не сопровождаетъ меня въ могилу.

Владиміръ.

И я желаю снести съ собою въ могилу твое уваженіе: вотъ твое завѣщаніе *(разрываетъ его)*. Ты не долженъ думать, чтобъ я былъ въ состояніи продать честь жены своей и сдѣлать дѣтей своихъ богачами, цѣною добраго имени ихъ матери. Прости мнѣ, Генрихъ! Она стоитъ того, чтобы эта минута была для одного изъ насъ послѣднею.

Графъ.

Дай мнѣ перо и бумаги, Владиміръ. Мнѣ есть чѣмъ распорядиться.

Владиміръ.

Кажется, тебѣ останется для этаго довольно времени... такъ это я иду на судъ Всевышняго Судьи? Онъ видитъ мою душу! *(падаетъ)*.

Элиза *(вскочивъ)*.

Владиміръ! Владиміръ! что ты сдѣлалъ?

Владиміръ.

Элиза! Ахъ, какъ тяжко разставаться съ тобою! Но имѣешь ли ты довольно силы? — вотъ другая половина *(подаетъ ядъ)*.

Элиза *(выпиваетъ его)*.

Графъ *(хотѣвъ удержать ее)*.

Элиза! . . . . поздно!

Элиза.

Благодарю, Владиміръ! ты еще довѣрялъ моему сердцу.

Графъ.

И я вамъ убійца! О, проклятая минута!

Владимiръ *(беретъ руку Элизы).*

Прощай!—прощай и ты, Генрихъ! ты не столько еще сдѣлалъ зла, сколько я думалъ. Элиза! ты со мною *(умираетъ).*

Элиза.

Ты скончался, душа твоя успокоилась, — я скоро послѣдую за тобою. Жена исполнила священный долгъ свой, теперь очередь матери. —Генрихъ! Не гляди такъ ужасно! Ужели въ душѣ своей ты не найдешь довольно твердости, когда столько обязанностей передъ тобою? Генрихъ! ты меня любилъ..... Въ эту торжественную минуту я не отвергаю любви твоей; вотъ рука моя, Генрихъ! *(цалуетъ его)* Это прощанiе жены твоей, — а тамъ — тамъ твои дѣти *(падаетъ у трупа Владимiра).*

Графъ.

Да, я буду для нихъ отцемъ, а они мнѣ вѣчнымъ упрекомъ! —

Харьковъ.

МАЛОРОССІЙСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Иванъ Котляревскій

ПЕРЕКОТИПОЛЕ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Евгенію Павловичу Гребенкѣ.

Чи знаете вы, люди добри́, щó то é судъ Божій? Чолови́къ зъ злости зробить яке лихо другому, вкраде що, прибьеть, зовси́мъ вбьеть, та якъ ни́хто не бачить того, що ви́нъ зробивъ, ни́хтó не выявить на нёго, свиди́тели́ не докажуть, такъ ви́нъ соби́ и байдуже, и не боиться ни́чого, и дума, що ёму се такъ и минеться. Хочь ёго и пи́дъ судъ ви́ддадуть, та якъ докажчики́въ, свиди́тели́въ нема, такъ ви́нъ и наді́еться, що ёму усе такъ и минеться, и ви́нъ буде правъ, неначе ни́чóго и не зробивъ ни́якого худа..... Охъ, ни́! Не такъ воно é. Есть надъ нами Создатель нашъ! Ви́нъ, будучи пресвяті́йшій, саме истинне добро, самая чистая правда, Ви́нъ не потерпить, щобъ яке злее ди́ло такъ и минулося! Хочь чолови́къ, зробивши худо, и захова́ ки́нці́ такъ, що ни́ жоденъ чолови́къ не дошукаеться до правды, такъ Ви́нъ, премудрость вышняя, Ви́нъ, знающій наши ди́ла, бачащій самыи думки наши, Ви́нъ не потерпить ни́якои неправды. Ви́нъ объявить твое ди́ло черезъ те, на що ты и не думаешъ, и неначе рукою вкажеть: от-се той, що зобидивъ брата и ви́двивъ

ви́дъ себе пеню, що хочъ на кого иншого подумають, а ти́лькибъ не на нёго, щобъ самому передъ людьми бути чистому и правому; а якъ трошки забудуть про сее ди́ло, такъ ще ги́рше зробить, такого всенепреми́нно и такъ объявить и при такому случаю, що ты и не сподива́ешся, и черезъ таку безди́лицю, що ты о́всі́ и не наді́ешся. Та́ объявивши се, тутъ ви́дкры́ются и усі́ злыи ди́ла́, объ якихъ вже люди забули и розыськувати, бо киньці́ добре були захова́ні. Тутъ усе явиться, усе ви́дкрыется, по ниточці́ — якъ тамъ кажуть — ді́йде и до клубочка. Бо спершу Богъ, якъ отець надъ ди́тьми, усе ждавъ, усе довготерпи́въ, — може, зхаменеться, може, покине худо робить, ви́дмолить свои гри́хи, то й прощені́е получить, колижъ ні́, що не ти́лки не перестае зла робити, не ти́лки не кається у прежнихъ гри́хахъ, та що дали́, усе і́йде на ги́ршее, ви́дъ худого і́йде на худше, тогди годи́! повелить . . . . и комашка стане свиди́телемъ, и ниточка заговóрить и черезъ неи ви́дкры́ются велики́ та мерзськи́ ди́ла́!

У одному селі́ почали пропадати куры: за ні́чъ у одні́мъ дворі́ пропаде курка, у другимъ зо-три; де й бі́лшъ. Хазяйки журяться, жалі́ються мужикамъ своимъ, а ті́ й байдуже; не велике ди́ло курка; може, и такъ де́ забі́гла; може, й задавило що. Далі́ та далі́, почали усе бі́лшъ, усе бі́лшъ куры пропадати, та вже и не зтерпі́ло хазяйство, пі́йшли до волости. «На кого маете пеню, скажи́ть; я брата ри́дного не пожалі́ю; абы-бъ по правді́ доказъ бувъ. Такъ сказавъ голова. Почали люди примі́чати, чи не буде якого слі́ду на кого не-будь. Щожъ? курку узято, понесено, курку дорогою щипано, и пі́рья такъ слі́-

домъ и пали до двора Явтушиного; тамъ-бо то два хлопця и шалйстливй, такъ бйлшъ недйли, якъ нема йхъ дома, зъ батькомъ пійшли зъ хурою.

«Пеня! — сказавъ голова: — «одинъ краде, на другого бйду зворочуе.»

Тамъ геть-геть упавъ слйдъ до Кахибиды. Щожъ? тамъ и хлопцйвъ нема: однимъ одинъ — дйдусь, старый та немошный: ему вже приходиться не до курей; а у сймьй самй молодыцй, та дйвчата; на що ймъ и куры? своихъ е, батечку мйй! Такъ усе пропажа е, а слйдъ вйдведено; хто ёго до правды доберется.

Далй вже, годйвъ черезъ два, вже не тйлки куры, вже стали пропадати и поросята, а тамъ пйдсвинки; а зъ годомъ — зъ годомъ, то тйлки и чуте, тамъ шкапу у хазяина зведено, а де и волика, а коли що трохи, пйдъ якій часъ, то й пары волйвъ, добрихъ, нема. И що то? Тйлки що зъ двора поведено, то якъ у воду! Нй слйдйвъ, нй кйнцйвъ; хочъ де хазяйство нй йздить, де нй розпытуе, нема та й нема; якъ у воду кане. Сумуе народъ и не надивуеться. — «Що за не добра мати! такъ промежъ себе совйтуються: — » Колибъ сказати въ насъ постой, то такъ бы и буть; вйдъ москаля не вбережешся; а тожъ не чуте и за пьятдесять верстовъ нй одного москалика, и не найзжа-жъ то нйхто до насъ у село; усе свои люди, а е межъ нами злодій! — Дій ёго чести, на кого-бъ-то подумати? Усе парубоцьтво якъ одинъ. Усйхъ знаемо, усй честнй; усй добрй, усй смирнй, не гуля зъ нихъ нй одинъ, а усякъ зъ нихъ жалкуе, що намъ така е абеда, и усякъ зъ нихъ похваляеться, що тйлки-бъ пійнмавсь хто, такъ вже не помиловати такого и такого сына! Бачиться-жъ, и за-

сидають на ничь, такъ никбли-жъ ничаго, и ни-якои прикметы ни на кого. Вжежъ мы и ворожбкъ пытали, такъ, кажуть, наиздомъ бува: рыжій, кажуть, москаль, попереду, кажуть, нашле сонъ крипкій на усе село, та й пораеться, якъ у себе у хати. Такъ щожъ ты против лихого слова зробишъ? Тилки жалкуй видъ такои биды, та й мовчи.»

И мовчать, та тилки чують, що вже Миринъ зовсимъ опишивъ, послидню парку воликивъ выведено; а тамъ и Уласъ ришився своеи шкапы; у Марка зъ сажа ажъ трёхъ кабанцивъ и вже й сытенькихъ, узято. Кругомъ бида, видъ-усиль пропажа!

Якъ ось вже почули, що у Демьяна Ридкоплюя, усю комору забрато. Пидкопався, вражій сынъ! та щб то? Усе — усе позабиравъ: и жиноче, и дивоче, и що було пригосподарёване, усе забрато, и слиду нема, неначе зчезло.

Дивуються люди, та ходячи коло волости, бьються объ полы руками и усякъ, на сю ничь, жде й соби такои напасти. Вже и голова прійшовъ и сказавъ, що винъ притьмомъ не зна що робити! «Піймайте, каже, мини злбдія, хто се у насъ краде? Я его!... я ему!... Винъ въ мене зогніе у холодній!»

«Пожалуй-бы піймали, якъ бы знали хто винъ е» — казала громада сумуючи.

Ажъ ось и обизвався одинъ парубокъ, Денисъ Лискотунъ и каже: «колибъ подозволили по дворамъ обыськати. Вже видиме дило, що нихто зъ чужихъ не найжжа, се, певно, свои.»

— «А що? винъ правду каже.» розсудили старики. —

Звелите, пане голова, якимъ моторнишимъ; нехай по хатамъ скризь обиськают.»

— «Не кого-жъ и послати! — сказавъ голова: — нехай їйде Денисъ, забравши хлопцивъ . . . .

«Та може мени не повирите?» спытався уклонившись звычайненько Денисъ.

— «Якъ-то тоби не повирити?—Комужъ и повирити?» — Обизвались старики.

И якъ таки Денисови не повирити? що-то за парень бравый бувъ; даромъ що сирота безъ батька! Ще тилки на-ноги пиднявся, до пидпарубочого дийшовъ, а вже видно було, що зъ нёго буде чоловикъ. Винъ и не живъ дома, винъ недуже до мужицкои роботы, якъ уси прочи. Якъ пиде-пиде по селамъ, хто ёго зна, де то вже винъ ходить на заробитки; та такъ щиро заробля, що незабарёмъ вернеться, и-чого-то винъ не принесе! Самъ одягный, таки зовсимъ якъ мищанинъ, и уся одежа на нёму хороша, ще повни кишени грошей нанесе. Матери своїй, вже й старенькїй, тежъ принесе коли платокъ, плахотку, поясъ, чобитки, а коли й серпанокъ; и у усимъ їи поважавъ. Та бувъ собою красивый, моторный, противъ усякого звычайный; на выгадки та на прикладки ёго подавай. На вечерницяхъ тилки ёго и чуте. Небоявсь николы и ничого: у саму глуху пивничь, скажи ёму пійти на кладбище, пійде и усе справить мовъ середу-дня. Тилки й боявся собакъ, и що то не любивъ ихъ! Було яку зна злишу собаку, то що ни дасть, а дасть, то й купить їи, та на голяку и повисить; и отруюе було ихъ. «Щожъ — каже — не люблю, та й не люблю собакъ. Мени гидко на неи дивиться. Ажъ дрижу, щобъ яку собаку вбити! Така вже

моя натура!» А що розумне було, такъ не узявъ ёго катъ. Хочъ и не дуже пилно пристававъ до громады, и не часто було и выходить до волости, та вже-жъ коли выйде, послуха объ чимъ рада, — вже й выкине слово, та таке, що й десять старикивъ сидыхъ якъ лунь и у три годы такъ не выдумають. Уси таки, уси селомъ, у водинъ голосъ було кажуть: «от-то нашъ голова росте!»

Такъ такому-бъ то не повирити оглядить дворы, чи не знайдеться де у кого воривськихъ вещей? Куды! Тутъ ще стали ёго прохати, щобъ, здилавъ милость, забравши якихъ парубкивъ самъ зна, пийшовъ бы и оглядивъ усихъ, не минуючи ни одного двора.

Ничого Денисови робити, выбравъ парубкивъ самъ и пийшовъ зъ ними.

«Починайте зъ мого двора,» — звеливъ Денисъ.

— Та якъ се можно, щобъ на тебе хто подумавъ? — казали парубки: — «Се вже не знать що, коли на тебе таку пеню зкладати.» —

«А щожъ, братця, ни-чого робить! Коли намъ велено усихъ обыськувати, такъ що я за цяця, щобъ мене не заньмати? Шукайте, шукайте! може що и знайдете,» казавъ Денисъ усмихаючись, та узявшись у боки, надине тую козацькую шапку на бакирь, та й плюне черезъ губу, по московськи.

— «Ну такъ, що знайдемо!» — скажуть парубки и ійдуть за Денисомъ. Той ихъ и у хату уведе, и у комору, и на горище, и де е якій закапелокъ, усюды, усимъ, усе покаже и скрыни повидчиня и у нихъ усе переры́е. «Глядить, каже, глядить добре!

Щожъ? перерыють, переберуть усе; а якъ ничого нема, такъ и нема. Зъ тимъ и пійдуть у другій двиръ.

Тутъ вже не такъ; тутъ вже смиливише уси обыськують и по хати, и по-двору. А Денисъ самъ, не беручи зъ собою никого, полизе на горище и що то,— усе тамъ перерые, що ни знайде, чи лёнъ, чи прядево, чи кориньня яке, усе перебере и по стрихамъ загляда; такъ хочъ бы нитку зъ покраденого знайшовъ.

Эге! Та не усюдыжъ и такъ! У однимъ двори, на горищи, на хати, Денисъ знайшовъ поясъ, хорошій каламайковый, и показавъ ёго хазяинови, що тутъ зъ нимъ ходивъ. «Такъ и е, козаче! се мій, ще батькивскій поясъ, я ёго виддавъ сынови носити, а той положивъ у материну скрыню. Такъ и е! Усе зъ скрыни забрато; шукайте, здилайте милость, чи не знайдете ще чого!»

Тутъ вже Денисъ пошле парубкивъ на хату ськати, а самъ забира хазяйство, руки имъ звьязуе, и старого, и малого: усихъ шле до волости. Не знайшовши тутъ билшъ ничого, йидуть у другій двиръ. Тамъ впьять черезъ скильки дворивъ, впьять знайдуть, де хустку, де очипокъ, або-що таке; и усе знаходить Денисъ по горищамъ. Мабуть пилнишъ усихъ ськае, що нихто опричъ ёго не знайде. Де що знайдуть, то и тамъ хазяйство до жодного забирають и пруть до волости, и вже повну холодну натирили и людей, и жинокъ, и дивчатъ, и малыхъ дитей.

Почали ихъ выпытувати, роспытувати, зъ жодного допросъ писати. Зъ кожнои симьи усякъ у водно говорить: «знать не знаемо; бачили уси, що я дома не бувъ; батько ихъ не дижде, щобъ я, колы, на таке скверне дило пійшовъ. . . .» Такъ уси у водинъ голосъ кажуть; нихто

не признае́ться, — ни́чимъ и доказовати. «Що зъ того, що знайшли на гори́щи́ поясъ чій, або де плахту; може якій безди́льникъ по́рався, комору выкравъ, та пороскидавъ вещи́ по другимъ дворамъ, щобъ на нёго пени́ хто не звивъ!» — Такъ сказавъ Денисъ Лискотунъ, выни́ма́ючи зъ за халявы люльку.... та що за чудесна була! кори́нькова, зъ крышечкою, и зъ ми́днымъ ланцюжкомъ! — «Глядить, щобъ кого напрасно не обвиноватили.»

— «Правда ёго, правда! — сказавъ голова, що зи́бра́вши у жменю свою си́ду́ бороду, сиди́въ соби́ мо́вчки, та придумувавъ, що тутъ ёму на-свити́ робити? — «Правда, каже; выпусти́ть людей зъ холодноѝ: вони не виновати́; може и справди, що имъ пи́дкинуто. Що за розумный зъ чорта от-сей Денисъ! Заразъ и догадався. Ад-же я и самъ додумовався и зъ стариками ра́дився, такъ ни́ко́му така думка не спала на розумъ. Вже зъ правды, що голова росте, нехай соби́ здоровъ буде!»

Погулявъ денькивъ зо-два по селу Денисъ, поверховодивъ на вулици́, не однíй ди́вчини́ тасуна давъ зъ любощи́въ, не однíй рукавъ порвавъ, держучи, щобъ не вти́ка́ла ви́дъ нёго; не одно-десять, навчивъ парубки́въ пи́се̇нь спи́ва̇ти московськихъ, що самъ попереним́а̇въ, ходячи по усихъ — усюдахъ; не одну пару розви́въ, що вже було зовси́мъ хватилися битися; не одинъ сови́тъ давъ голови́, що́ робити зъ неплатящими общественного, або ота̇манови́ за га̇дуючи пи́два̇ды на дороги; не одному хазяину поми́гъ плитъ городити, ски́лки ки́пъ хлиба ци́помъ збити — на уси́ руки бувъ нашъ Денисъ! Поробивши и погулявши такъ, вњять потягъ ви́нъ на зароби́тки на ски́льки тамъ

недѝль зъ свого села. И що то жалковали за нимъ и хазяины, и усѝ; а що вже дѝвча̀та, такъ мѝры нема!

«Чи-тобѝ, Трохиме, талану нема, чи хто тебе зна! — Такъ казала стара Венгериха, удова, своему сыновѝ, що ходивъ на заробѝтки ажъ у городъ и ажъ два тыжнѝ тамъ поробивъ, та тѝлки що тамъ прохарчився, а до дому ничо̀го и не принѝсъ.» — Такъ от-се-то мати журячись, такъ ёму казала.» — Усѝ, усѝ таки заробляють и усе дбають на господарство, та знай багатѝють, а ты ось нѝякъ не роздобудешся ни на-що, щобъ почати господарёвати якъ и люди. Що було, де-чого, не багато, пѝсьля батька, те потратила женючи тебе; думала, опѝсля заробимо, невѝстка поможе. Невѝстка-жъ нѝчь и день робить, а я звалилася собѝ на лихо, треба, вамъ, замѝсць помочѝ вѝдъ мене, треба на мене робити. Тутъ пѝйшли дѝти; хло̀пчиковѝ вже шостый годо̀къ; попавъ у ревизѝю, треба за нёго зно̀сити, дѝвча̀точокъ двое, робити ще не имъ, а ѝсти просять, треба годувати. Та усе-жъ-то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, однѝ руки, не надаси. Та яжъ кажу, мабуть и талану нема. Люди ходять на заробѝтки, або хочь и тутъ, та усе заробляють, усе дбають; а ты хочь и тутъ поробишъ що, хочь де и проходишъ, а усе тѝлки прокормленіе наше, а щобъ по господарству придбати, такъ и не кажи. Колибъ зпомѝгся, хочь яку небудь патѝку добувъ бы, то усебъ лучше було, пѝйшла-бъ друга робота, другій и заробѝтокъ бувъ бы.»

— Що-жъ, мамо робити? — каже Трохимъ:» — я й самъ бачу, що нема счастьтя ни учѝмъ. Роблю, мамо, до кровавого поту и вже снагы нестае. Хазяйство, дивлячись

на мене, що я собі такій мліьый, та сухій, не дуже у роботу приньмають. Де тобі, кажуть, противъ здорового зробити? та й дають меншу цину противъ другихъ. Робишъ щиро, не лінуешся, и таки, нічого тайти, часомъ зробишъ и більшъ и лучше, чимъ здоровый, а все відъ хазяина однаковісінька честь: не здужаешъ, каже, робити. А якъ плата не велика, такъ и не стає ні на віщо, тілки пропитуемося, а до-дому и не кажи, щобъ-щó принести. Якъ бы не жінка робила, тобъ досе ходили-бъ вы и босі и голі, и зимою-бъ померзли.»

«Треба-жъ, сынку, що небудь гадати, — казала мати. Подивись на людей, та порадься зъ ними: куды-бъ то пійти тобі, дебъ-то лучше заробляти? Попытався-бъ ты у Лискотуна, той чого вже не зна, усе зна. Та й свита таки набачився! А заробля-жъ та по скілки! Вже на що ёго мати: білніша мене була; теперъ-же пійди зъ нею! Одягна якъ міщанка; або и винъ: якъ вырядиться у праздникъ, та выйде на вулицю, такъ куды и писарь нашъ! А грошей и усякого добра, мало винъ приносить? Зпытайся, сынку, ёго, нехай бы нараявъ, куды-бъ тобі пійти; або-бъ у купі зъ нимъ пійшовъ?»

—«Пытався ёго, мамо! —Просивъ, щобъ узявъ мене зъ собою; будемо, кажу, у купі робити; якъ ты, такъ и я, не відстану відъ тебе.»

«Що-жъ винъ тобі?»

—«Але! якъ се почувъ, якъ вытріщився на мене, а очі такъ и засьсяли, а самъ ставъ якъ кармазинъ. Дивився, дивився довго на мене, а далі насилу зпомігся сказати: «Якъ заробляти? —Роби, каже, якъ и я, то й розживешся. Товариства мені не треба, шукай иншого.

И пійшовъ швидко видъ мене. Та писля сёго тилки що хочу ёго объ чимъ зачепити, то винъ такъ и видыходить видъ мене. А колы жъ у купи де будемо, то винъ мени усе у вичи приглядаеться, усе приглядаеться; я, щобъ до нёго, то винъ заразъ видъ мене.—Нехай винъ соби тямиться! Винъ багатый, такъ и гордый противъ мене бидного. Не хочу ёго чипляти; буду самъ по соби. А що, мамо? думаю ще йти у губернію; чи не буде тамъ счастьтя?»

«Охъ, сыночку-жъ, мій голубчику! Чи близенькій же свитъ? Ажъ пивтораста верстовъ! На кого-жъ ты насъ покинешъ? Та якъ и самъ, таку даль прійдешъ? Се, мовъ, на кинци свита!»

—«Вже-жъ, мамо, що робити! У останньé пійду; не буде тамъ счастьтя, не пійду вже никуды. Якъ буде, такъ и буде. Пидъ лежачій каминь и вода не бижить.»—

Журилася мати, плакала крипко жинка; а ничого робити! проводили свого Трохима ажъ у губернію; чуте було що тамъ збираеться ярмарокъ о Пречистій, и бува превеличенный, и усякого купця изъ усякихъ мисць наизжае, и усякого товару навозять, и чуте, що é людямъ заробитокъ чималый, якъ кому счастьтя выпаде.

Дійшовъ нашъ Трохимъ и до губерніи. Допытався, де становиться ярмарокъ. Народу—народу! И протовпиться неможно! Пробираеться и винъ межъ людьми, и самъ не зна куды и для чого. Дума, чи не знайде такого мисьця, де сидять ёго братчики, що шукають роботы.... ажъ ось хтось ёго сипъ за-руку и каже: «Землякъ! што работы искаешъ, што-ли?»

Трохимъ зирнувъ, ажъ-то купецъ, та такій вже купець, що й бороду голить и по панскому ходитъ; винъ ёму швидче

шапку знявъ, поклонився и каже: — Ськаемо, господа купець, чи не пошле Богъ доброго хазяина.»

— «Честный-ли ты чалавѣкъ, не бездѣлникъ? Не лѝнивый?»

«Зъ роду не зробивъ нѝ якого худа: въ мене и думки такои нема. А робити будемо, якъ сами побачите.»

— «Ступай-же за мною.» —

Отъ и привѝвъ ёго до своеи хватѐрѝ; а тамъ усе повозки стоять, понаклàдованѝ ящики, коробки и усе зъ товаромъ, и усе позапакóвуванѝ. Хазяинъ и приказуе: — «Смотри-жъ, какъ прѝйдуть звозчики зъ лошадями, такъ пускай запрягають и везуть до моей лавки, — вони вже знають де вона. Ты будь при нихъ изъ ними перестановѝте усѣ ящики у лавку и не атхадѝть вѝдъ товару. Вота и товаришъ твѝй.»

Гляне Трохимъ на товариша, ажъ то Денисъ Лискотунъ, тѝлки вже не такѝй бравый, якъ у своему селѝ бувъ; одежа на нёму старенька и не знать чимъ пѝдперёзанный, и шапка заваляща.

«Здоровъ, брате Денисе, бувъ! — заразъ одѝзвàвся до нёго Трохимъ:» — Вѝдкиля се ты тутъ узявся?

— Але, вѝдкиля! Ад-же ты, изъ роду тутъ не бувши, та прѝйшовъ; а я и часто тутъ буваю. —

Тутъ зкинулись по слову, Трохимъ розпы́туé, якѝй é заробѝтокъ, яка цѝнà у день и якъ щò поводиться; а Денисъ мовъ и говорити зъ нимъ не хоче; скаже слово мовъ не ѝвши, та й вѝдвертàеться вѝдъ нёго.

«Якъ я бачу ёго — дýма собѝ Трохимъ — такъ вѝнъ тýтечка ще й гордѝшѝй, чимъ у насъ у селѝ; та, бачь,

прикидается, мовъ би́дный, щобъ би́лшу ци́ну узяти. Не зъ чорта-жъ хитрый!

Хазяинъ зрадовався, ще обы-два роботники ёго, та зъ одного села и пріятелі́ промежъ собою, поприказувавъ и́мъ усе ди́ло и пі́йшовъ соби́; а ци́ны и не сказавъ, по чому платитеме Трохимови́, чи у день, чи потижѐнно.

Зажурився було Трохимъ и пыта̀ Дениса, що̀ робити? — «А урагъ ёго мати́ръ бери! Коли не по нашому заплатить, то мы й сами себе нарадимо̀. Держись ти́лки мене, та слухай, то будемъ по ви́къ хли́бъ и́сти.»

Трохимъ здивувався трошки, таке чуючи ви́дъ Дениса, а опи́сля и дарма. И подумавъ соби́: — «Що се ви́нъ каже? Хто ёго зна!» и ставъ обходить обозъ.

Ажъ ось прі́йшли звозчики зъ ки́ньми, позапрягались и поперевѐзили товаръ до лавки, позно̀сили, позкладали, ажъ-ось прі́йшовъ и хазяинъ, розсчитався зъ звозчиками, ви́дпустивъ ихъ, зачинили лавку и стали ви́дбива̀ти ящики, и выньмати товаръ.... Господи милостивый! усе-жъ-то сри́бло, та золото! Нема ни́чоги́си́нько, щобъ деревьяне, або костяне, усе сри́бне-золоте, усе сри́бне-золоте! И ложки, и тари́лки, и ножи, и виделки; є̀ й чашки усяки, по паньскому зроблени и усякого товару; було багато й церковного, та усе-жъ-то сри́бне та золоте. А що кабатирокъ, а що сери́гъ, а що перстни́въ, такъ ми́шки понакладати можно!

Роботники выньмають, та подають хазяину, а той усе розворочуе, та розтавля.. Трохимъ бойться и дивитися на товаръ, бачачи якѐ воно є̀ усе дорогѐ; а Денисови́ и нужды мало; ще якъ що̀, то й приважуе на руци́, мовъ силу у нёму зна.

Хазяинъ усе найбилшъ Денисови приказуе, чимъ Трохимови; бо той понятливийшiй и моторнишiй; та таки видно, що ёму и не первина, и винъ бувавъ коло такого дила; а Трохимъ що? винъ зроду уперше и у губернiи, и на панскiй ярмарци, и такiй товаръ бачить, що ёму и не снилось никблы; такъ винъ и торопiе, и не зна, якъ за що узятись; такъ тимъ здаеться, що непроворный и непонятливый.

Хазяинъ навчивъ Дениса, якъ замыкать лавку нимецькими замками; тамъ таки прехимерни! И назадъ видмикаеться, и на-трое розпадаеться; и хто ёго зна, якъ воно тамъ зроблено! Якъ не вмiючи, то й не видимкнешъ и не замкнешъ. Позамыкавъ хазяинъ замки, давъ имъ кожному по полтиннику и сказавъ, щобъ йшли соби гуляти, куды хто хоче, а надъ вечиръ щобъ приходили на хватирю вечеряти.

Пiйшли наши земляки скризь по ярмарци. Такъ щожъ? До Дениса заразъ и явилися прiятели, та усе зъ Москаливъ: мабуть прiятели ёго ще прежни: и здоровкаються зъ нимъ, и роспытуються де бувъ, и дали стали щептати, та на Трохима поглядати, та щось про ёго говорити. Сёму стало страшно; винъ и видчаливъ видъ нихъ. Пiйшовъ на свiй базарь, купивъ хлиба, огиркивъ, пшенички, диню дубивку; прiйшовъ на хватирю, пополудновавъ добре, та й прилигъ дожидаючи хазяина. Не скоро опiсля прiйшовъ и Денисъ, и видно було, що було трошки у головци у нёго, та мерщiй и лигъ спати; и вечеряти не захотивъ, кажучи що голова болить.

Хазяинъ, прiйшовши, давъ Трохимови чарку водки и вечеряти. И що-то за добра страва була! Борщъ зъ яловичиною, каша зъ саломъ, ще й печене, чвертка бара-

нача. Опи́сля усёго, хазяи́нъ ёму и каже: «От-така тобі́ плата и харчь буде по усякій день черезъ ярмарокъ; ті́лки служи честно. Завтра чуть свитъ ійди до лавки; выйдуть мои приказчики, що заставлють,—слухай якъ мене; доглядай сидючи биля лавки, щобъ хто чого не потягъ; а у ночи, будете почережно, зъ Денисомъ, укупі́ зъ сторожами коло лавки ходити; одинъ до пи́вночи, а другій до свита. Коли що запримі́тишь, або побачишь що не-добре противъ моеи лавки, заразъ скажи мині́, хочъ опи́вночи́ розбуди. Опри́чь поденнои ци́ны, я тебе й награжу за твою правду, и коли будешь честный.»

Ви́дъ щирого сердця, Трохимъ, лягаючи спати, помолився Богу и подяковавъ за ёго милосердіе, що таку ёму роботу пославъ! Харчитись не треба, харчь добра, якои дома и на великъ-день не бува, и ище полтинникъ по усякъ день! Десять день ярмарку,—десять полтинникі́въ: ажъ отъ, пьять карбованці́въ принесу до дому. Слава тобі́ Господи! И тутже обі́щався служити щиро и за хазяйскимъ добромъ вбиватись, бі́лшъ чимъ за своимъ.

Почався ярмарокъ. Купці́, порозкладавши свій товаръ, пови́дчиняли лавки; пі́шли паны сновати. Ходють, розглядають, прици́няются, торгують, купують. Нашъ Трохимъ надивився на пані́въ добре.

Дивлючися на нихъ Трохимъ, пилно доглядався и на проходячихъ, щобъ і́йшовъ своею дорогою, а щобъ не дуже у лавку на товаръ заглядавъ, бо то вже примі́та недоброго чолові́ка. Колы жъ було хто стане биля лавки, та сюды-туды розгляда, то Трохимъ—безъ сорома казка— такого було и прожене, бо такій стоі́ть и бутси́мъ-то и ні́чого; якъ же побачивъ, що сторожа̀ куды задивились,

то тутъ ви́нъ потягъ, що ближче, а самъ шмигнувъ дальше. За такимъ Трохимъ би́льшъ усёго пилнувавъ; а Денисъ ни́ трохи, бо ёму ни́коли було. Чисти́си́нько, якъ ти́льки, що до лавки паны поназби́раються, то тутъ де и́ возьмуться: и Москали́, и Цыгане, и Жиды; та усе до Дениса и ви́дведуть ёго геть, и усе зъ нимъ шипотять и довгенько бази́кають.

Трохимъ було и спыта ёго, що то за люди, и чого вони до нёго ходють?—то ажъ посупиться Денисъ, та ажъ зъ сердцемъ скаже: «Чого ты за другими приглядаешся? Знай себе; я за тобою не прими́чаю: не дивись и ты за мною! То мои стародавни́ знакоми́, я зъ ними служивъ по городамъ.»

А де имъ у болоти́ служити де́, що були уси́ таки́ обшарпани́, оби́рвани́, що гидко було на нихъ и дивиться!

Разъ, пи́ди́йшла цыганка, та препаршива соби́ на лихо, мовъ старець. Ійдучи поби́ля лавки и моргнула на Дениса; той зъ нею, та у кутокъ, и давай соби́ щось шептати. Трохимъ надглядавъ ихъ довго, и щось у нёго у животи́ тёкнуло, чуючи щось не добре. Поговоривши соби́, цыганка и́ пи́шла. Денисъ окроме соби́ сиди́въ—сиди́въ, та и́ прі́йшовъ до Трохима, та подивившись на нёго довгенько и каже: «би́дность твоя велика, та не вми́єшь якъ зъ нею зправитись. Щиро служишь соби́ на лихо. А на врядъ те хозяинъ дасть, що ты бъ заробивъ?»

—«Якъ ты ёго заро́бишь би́льшь? — сказавъ Трохимъ: — Адже и тутъ плата добра и робота не важка́; а усе би́льшь не можно заробити.» —

«Можно»

—«А якъ, скажи?»

«Потурай тобі. А скажи мині, Трохиме, такъ по правді: чи пильно служишъ хазяину?

—«А якъ же и служити, якъ не зо усею щирістью? Сказано: нанявся — продався! Я хозяйськои пылины не хочу, и коли бачивъ бы, що й рідный братъ мій не думае объ хазяйськимъ добрі и занапаща ёго, то ябъ и на брата выявивъ.»

«Сполать тобі, Трохиме! — сказавъ ёму Денисъ, та й вдаривъ ёго злегенька по плечу: — «Такъ и по викъ служи; розбагатіешь!» и відвернувсь відъ нёго, а Трохимъ и замітивъ, що вінъ відвернувшись відъ нёго, усміхаеться.

«Що от-се сталося зъ нашимъ Денисомъ? — дума собі Трохимъ. — » Але вінъ тутъ собі другій, чимъ у нашому силі.»

Такъ собі сидить думаючи про се, ажъ-ось впьять тажъ-таки цыганка, йде мимо лавки, а Денисъ підійшовъ до неи и каже: — «дурный! ёму и не говори. Мы и сами зробимо.»

А Трохимъ се й чуе. Цыганка собі и пішла. Стало смеркаться. Приказчики почали розіходиться: хто у тіатру, хто у баню, хто. . . . . а катъ ихъ зна, куды инший пійшовъ! Останьній поприбиравъ, выйшовъ, и каже Денисові, якъ и по усякъ вечеръ бувало: «замкни лавку и подай сюды ключі.» Денисъ зачиня, приклада замки, за кручуе; инший тугій, такъ ажъ крекче притягаючи, та крутячи. Зовсимъ; отдавъ ключі; приказчикъ пійшовъ; Денисъ що-сь відвернувся; а Трохимъ, тихесенько, крадькома, помацавъ замки. . . . Що за недобра маті! Хочь бы тобі одинъ замкнутый? Усі три высять; а Денисъ-же довго силкувався, замыкаючи ихъ. — Такъ-такій-то Денисъ! —

Ти́льки що такъ соби́ Трохимъ дума, ажъ-ось Денисъ и каже: — «ійди-жъ, товаришу, на хватирю, та вынось швидче вечеряти, та лягай спати. Або знаешь що? Тамъ душно; я пробуду усю ни́чь на калавури́; не приходь зъ пи́вночи́; спи соби́. Однаково мини́ спати не хочеться; прокалавурю самъ усю ни́чь.»

— «Ось що воно означа! Тривай-же.» Подумавъ соби́ Трохимъ и пійшовъ тихою ступою, поки зъ першу; якъ-же зайшовъ, що вже Денисъ ёго не бачить, такъ тутъ вже ни́чого робити: ставъ пи́дби́гцемъ поспи́шати, та мерщій до хазяина; якъ на те, хазяинъ дома и, накликавши гостей, поштуе ихъ чаемъ. Тутъ Трохимъ, увийшедши прямо и разсказавъ ёму усе. якъ ви́нъ за Денисомъ заприми́тивъ, якъ що робилось, и якъ ви́нъ, буци́мъ-то, лавку замкнувъ, а ёго ви́дти́ль ви́дпроторивъ.

Хазяинъ, почувши усе, спершу було злякався такъ, що ажъ побли́дъ; дали́ ставъ дяковати Трохимови́, що ви́нъ такій ви́рный и пи́дни́съ ёму ажъ дви́ чашки чаю солодкого, та пресолодкого, усе таки, дякуючи за ёго правду и честную душу. А тутъ-же мерщій пославъ знайти прикалчика зъ ключами. На силу дето ёго знайшли. Хазяинъ выхопивъ ключи, засви́тивъ лихтарь, та, си́вши на дрожки, мерщій до лавки.

Пи́дби́гъ, огляди́въ ажъ такъ и е́! Ни́ одинъ замокъ не замкнутый! Почавъ кли́кати Дениса, а Дениса и духу нема!

Мабуть, що ви́нъ и сиди́въ усе биля лавки, та якъ побачивъ хазяина зъ лихтаремъ — догадався, що се́ щось не даромъ, такъ и притаився тутъ де, и не озывався, дожидаючи, що зъ того буде.

Хазяинъ ускочивъ у лавку.... Слава тобі Господи! Усе ціле, усе благополучно!—Злодій ще не починавъ поратися. Мабуть дожидавъ глухои півночі. Позамыкавши уже самъ усі замки, якъ слідовало, тутже изъ сторожівъ нанявъ двохъ, щобъ відъ его лавки не відиходили черезъ усю нічь, вернувся на хватирю.

И що то вже дякувавъ Трохимові! Ажъ поцілувавъ ёго, що відвівъ відъ нёго таку біду и за-здалегідь сказавъ про таку напасть. Далі вынявъ цілкового, и давъ ёму, и каже: «не по полтиннику на день буду тобі давати, а відъ сёгодня по цілковому. Отпускатиму, — награжду какъ самъ знаю за то, що ты есть честный чоловікъ. Старайся и уперёдъ; що замітишъ, що почуешь, — заразъ мині сказуй! Теперь не ходи до лавки, щобъ тотъ безділникъ не зробивъ тобі якого худа. Тамъ є калавурні.»

Якъ же почули уранці, що ажъ три лавки обікрадено, такъ тоді хазяинъ ще більшъ дяковавъ Трохимові, що остерігъ ёго. — «Було бъ, каже, се и мині. Тамъ же, хочъ и багато узято, та не на велику суму; а у мене хочъ бы и не багато чого потягнувъ, такъ усебъ тысячівъ на яки десятки.»

Трохимъ такъ таки и думавъ, що зъ злодіями певно бувъ Денисъ. —«Господи милостивый!—дума собі: — якъ-то швидко чоловікъ розледащівъ! Якій бувъ бравый парень, такъ що лучшого ёго и не треба, а теперь зовсімъ збезділничався!» и пісдя тіеи ночи, вінъ ёго и не побачивъ вже

Разъ, сидить Трохимъ біля лавки, дивиться: ведуть рештантівъ; и по переду, и по заду ихъ, салдаты зъ оружжами. Приглядаеться Трохимъ, ажъ межъ ними їйде и Денисъ. —«Доживсь чести! — подумавъ Трохимъ, и ста-

ло ёму жалко земляка. Пи́дби́гъ швиденько и подавъ ёму що тамъ лучилось на ёго заключеніе. Щожъ Денисъ? глянувъ быстро, бачить що се Трохимъ, — якъ заскриго́че зубами, а очи мовь запалали; якъ кине ту милостыню геть, и сказавъ: — «Щобъ було ты лучче пропавъ, чимъ мене бачити у такій нарузи́!» и пи́шовъ собѣ, не оглядаючись.

Розсказавъ се Трохимъ хазяинови́, а ви́нъ и каже: — «Переловили тихъ уси́хъ, што лавки обокрали, узяли и нашого Дениса. На нёго доказують, што онъ зъ ними за одно и хотелъ навести на мою лавку, такъ онъ ни́ учомъ не признается.»

Поки́нчали ярмарокъ. Розсчиталыся уси́, хазяинъ розсчитавъ и Трохима, и, на усякій день даючи ёму по ци́лковому, при прощаньни́, давъ ёму ажъ сто рубли́въ и каже: — «озми, Трохимушка! Ты мнѣ на десятки тысячей спасъ; благодарствую тебѣ.»

Отъ уже Трохимъ зрадувався! — Та и якъ же пакъ! Ски́лки ви́нъ грошей принесе до дому! Зъ роду не зароблявъ по сти́лки! Спасиби́, що хазяинъ давъ золотыми, такъ ихъ можно такъ заховати, що ни́ загублю и ни́хто не примі́тить, що въ мене вони є́; а ци́лкови́ окроме положу. Отъ, узявши, золоти́ позашивавъ у онучу; а сри́бни́ яки були ци́лкови́ и полтинники и ми́лочь усяку, та позашивавъ у полусвити́, такъ що и пи́знати не можно було, ще є́ при нёму гроши́.

Зи́бравшись, такъ и пі́йшовъ зъ губерніи и не куды жъ, якъ прямо до дому. — «Чого вже по другимъ ми́сьцямъ ходити? — дума соби́ дорогою ідучи: — » Спасиби́ Богу, заробивъ добре, буде зъ насъ зо всихъ. Заразъ куплю

шкапу, справлю ви́зъ, и пі́йшовъ лучшій заробі́токъ, чимъ ві́дъ пі́шого! Жи́нці́ накуплю лёну, нехай пряде; нехай наньмычку наньме; у двохъ бі́лшъ наробля́ть. Матери́ буду усёго постача́ти, чого забажа! Нехай, коли досе бі́дкалась, нехай на старости у роскоши́ поживе́. Дѣточокъ приодягну; на зи́му дровець роздобуду и усёго придбаю, и будемо жити, гадки не маючи.»

Сердешный!

Іидеть ві́нъ такъ собі́; іидеть, поспі́шаючи до дому, щобъ ра́ді́сть имъ принести, що Богъ счастьтя давъ . . . . и вже версті́въ зъ пьятдесять зосталося іити до села свого . . . якъ зиркъ! . . . доганя ёго . . . . хто-жъ?—Денисъ!—Якъ узрі́въ ёго Трохимъ, такъ и руки и ноги опустилися, и у животі́ похолонуло, сердце такъ и трепечеться, и душа що-сь не добре почула. Не зіитись зъ нимъ не можно: по одній дорозі́ іидуть; піити швидче, щобъ не нагнавъ, поки до села; а у селі́ можно пересиді́ть день, поки ві́нъ далеко зайде, такъ Трохимъ-бо, сті́лки пройшовши, вже притомився, и якъ-бы ні́ поспі́шавъ, Денисъ ёго нажене, бо ві́нъ здорові́шій и привышный бі́лшъ ходити.

Бачить Трохимъ, що ні́чого робити, подумавъ:—» Щожъ? Божа воля!—не буду зъ нимъ іити—буду собі́ окромі́ держатись; буду приставати, не поспі́шаючи зъ нимъ; то ві́нъ и ві́двьяжеться ві́дъ мене!

Іиде-іиде, якъ ось Денисъ и наздогнавъ ёго: вдаривъ по плечамъ и каже:—„Здоровъ, товаришу! Не втикъ ві́дъ мене? Здоровъ, Денисе, де се ты взявся?

—» А ты думавъ, що Денисъ вже ставъ безді́льникомъ, піиде на каторгу; такъ отсе швидче бі́жишъ до дому розсказати про мене, що я попався!»

— «Госпи́дь съ тобою! Яка мини́ нужда до тебе? Я й самъ жалковавъ, побачивши тебе у такі́й нужди́. — »

«Жалковавъ? ты?

— «Дали́би́, що жалковавъ Ни́ ты мини́ ни́чого, ни́ я тоби́ ни́ко̂лы; такъ чогожъ намъ? — Скажи мини́ на милость, якъ ты выкрутився?

Тутъ Денисъ такъ глянувъ на Трохима, що у того уси́ жижки задри́жали и у души́ похолонуло. Дали́ и каже: — «выкрутивсь? — Колы-жъ на мене напрасно сказали? хиба не бува на чолови́ка наговори́въ?

— «Якъ-то безъ того! — Ты жъ мене повеселивъ, що ты не бувъ зъ ними. — »

«Хиба-жъ я злоди́яка які́й? Га?» грізно крикнувъ на нёго Денисъ.

— «Та хто про тебе таке дума. Зглянься на Бога!

И замовкли обы-два, и мовчать, и ійдуть у купи.

Геть-геть, Денисъ впьять и оди́звався до Трохима, та такимъ страшнымъ голосомъ, неначе зовси́мъ не ви́нъ: — «Ты думаешь, ще я черезъ твои замки пропавъ?

— «Черезъ які́ замки? — »

«Черезъ таки́, що, думаешь, я ни́чого и не знаю?»

— Богъ зъ тобою! Я ти́лки чувъ про си́ замки, та й забувъ заразъ.

«Забувъ?! — Забудешъ и справды.» И впьять замовкли.

Іиду̂чи такъ довгенько, переходили черезъ невелике село. Трохимъ тутъ мавъ знакомого и хоти́въ було зайти ви́дпочити. «Не треба сёго! — » вже крикнувъ на нёго Денисъ, а плохенькі́й Трохимъ и послухавъ ёго, боячись, що якъ ви́нъ бувъ противъ него у трое здорови́шій, такъ щобъ не зробивъ якого худа. Такъ думавъ соби́ Трохимъ: —

«Не буду ёго се́рдити; буду пи́ддаваться, нехай вередує ажъ поки до своихъ ми́сць ді́йду; тоді́ выкручусь ви́дъ нёго.»

Перешедши те село, Денисъ звернувъ зъ дороги геть пи́дъ ли́сокъ и Трохима покликавъ за собою.

«От-тутъ ви́дпочинемо! — сказавъ си́даючи Денисъ пи́дъ грушу. — » Давай, чи є́ що въ тебе? такъ пообі́даемо, або пополуднуемо.»

— «А що въ мене є? — сказавъ Трохимъ и доставъ изъ торбинки хли́ба, тарані́ скі́лки та огі́рочкі́въ.

Денисъ доставъ изъ за халявы ні́жъ престрашенный. Трохимъ, якъ побачивъ ёго, такъ морозомъ обдало. Денисъ розпорядкує; мовъ самъ усе придбавъ: хлі́ба ви́дрі́завъ собі́ попереду, а далі́ ткнувъ шматокъ и Трохимові́. Тежъ и тарані́ собі́ лучшои узявъ, а де що и огі́ркі́въ кинувъ, мовъ собаці́, Трохимові́. Сей усе терпить и мовчить, та дума: «Донеси мене ті́лки, Господи, до дому. — Цуръ тобі́ и зо всі́мъ! знати тебе не хочу!»

«Знаешъ що, пане брате? — наївшись, ставъ казати Денисъ — Цуръ ёму у день ійти. Будемо у день ви́ддыхати; бачь якъ душно! Ні́чью бі́льшъ пройдемо, и далше станемо. Якъ от-се ви́дпочинемо, а вечеркомъ зорею, та холодкомъ ні́чью мотнемось, такъ мы пі́сля завтра и дома будемо. Лягай, та спочивай, поки до вечера.»

Лягли хлопці́. Заснули добре. Надъ за́хі́дъ сонце; прокинулись; пополудновали — и усе таки трохимовои харчи — и пішли.

«У тебе, бачу, и нема ні́чого для дороги? — спытавъ Трохимъ.

«А де я у чорта що озьму? Коли що й заробивъ було чого трохи, такъ изтрясъ, у ти́мъ анахти́мски́мъ острози́ сиди́вши; а заробити би́льшъ, ты не давъ. А було бъ и на твою долю. Ґадки-бъ не мавъ!» —

«Ты мини́, Денисе, на вдивовижу! Чи такій же ты бувъ у насъ у селѣ? Се ты, ходивши по уси́мъ усюдамъ, набрався такого духу!»

— Цить, мовчи, не твое ди́ло! —

И замовкли, и йдуть.

Черезъ ски́лки тамъ пройшовши, вже Денисъ впьять и оби́звався: —» А що, товаришу? Попередъ усёго жи́нци́ розскажешъ, а тамъ и до головы пійдешъ, и по усёму селу будешь пропови́довати, якъ Денисъ Лискотунъ хоти́въ лавку оби́красти, и якъ ты остери́гъ хозяина, и якъ Дениса зъ острога пи́дъ калавуромъ водили къ допросу.»

—» Ни́, Денисе! не знаешь ты мене. Се страшнѐ дѣло, щобъ про кого таке розсказовати. Нехай тебе Богъ у симъ ди́ли́ простить; а ты покаешся и покинешъ скверне таке ди́ло. Щожъ? спиткнувся, тай схаменувся. А розсказовати не мое ди́ло. Не ти́лки жинци́; я й самъ молю Бога, щобъ я забувъ про се; бо, кажу, ты покаешся.

«А якже? Ви́стиме ди́ло, що покаюсь. Такъ и почну молебни́ наньмати. Такъ грошей бо нема, не добувся: хиба ты мини́ даси? А що, Трохиме! Скажи по правди́: багато тоби́ хазяинъ давъ за те, що ты про замки ёму объявивъ?»

— «Та не яжъ то обьявлявъ; винъ самъ дознався. —»

«Та якъ соби́ тамъ знаешь, а вже ви́рно давъ таки що не-будь.»

— «Давъ награжденія, ви́дпускаючи, ци́лковыхъ зъ пару.»

«Та заробітныхъ. Такъ скілки несешъ до дому?»

— «Хто его зна! — казавъ Трохимъ, а самъ такъ и труситься, боиться; бо нічь, ихъ двое и Денисъ здоровійшій его. — Я таки гараздъ и не лічивъ; зложивъ, та й пійшовъ.»

«Мабуть багато, що николы було й переличити? — Чи подилимся-жъ зо мною?

— «Що-бъ то якъ?—»

«Такъ якъ ділются, пополамъ. Чи, може, усі віддаси? Отъ сполать-бы парень бувъ, якъ бы усі віддавъ!»

— «Що се ты, Денисе, говоришъ? — Ледве вже промòвивъ Трохимъ, бачачи, до чого вже діло доходить.

«Та ну, цуръ тобі и зъ твоими гришми — що, мабуть, у тебе ихъ до сына, що такъ злякався. Ты ще й се розскажешъ, щò я, дорòгою, мавъ тебе обідрати.»

— «Та здилай милость, не думай такъ про мене, Денисе! я тобі казавъ, що нікòму не скажу, и побожусь усімъ, и заприсягну.—»

«А ну побожись.»

И Трохимъ почавъ божитыся такъ, що ажъ страшно було слухати.

«А заприсягни!» — каже Денисъ и подавъ ему жменю землі.—зъіжъ от-сю усю.»

Трохимъ, якъ зъ щирымъ сердцемъ, не боячись нічòго, и думаючи таки, щобъ нікòму ні слова не розсказати, зъівъ жменю землі, усе потроху ковтàючи.

«Ну такъ, теперъ товаришъ. Теперъ певенъ и я.»

От-такъ-то Денисъ усе зайдався зъ Трохимомъ. Чого небудь, то й привъяжеться, Трохимъ-же, якъ бувъ собі

плохи́шій, той усе подавався и таки не безъ того, що й боявся ёго, щобъ чого не зробивъ ёму худого.

Тутъ ійшли ни́чь, ранкомъ ски́лки́ прійшли, тутъ сонечко ще не дуже и пи́днялося, а вже стало кри́пко пекти, то вони звернули у ли́сокъ, та й полягали спочивати.

Якъ пи́днялося сонечко, що то вже жарило! Ни́ ви́теръ не дыхне и ни́що не колышеться, такъ-такъ що ледве дыхати можно. Наши́ хлопци́ хочь и заснули було, такъ не можно ни́якъ и уле́жати! Якъ припече сонце, такъ ми́сьця не знайдуть. На взли́сьи́ сонце е, жарить; такъ вони за̑дуйть у гущи́ню, такъ тамъ ще й ги́ршъ; ни́ ви́дки́ль прохолоды ни́ якои, ти́лки що зъ верху палить и малесенькій ви́трець не проходить. Знайшли воду, не ви́ди́пьются; тяжко вже имъ и дыхати! Выкопають коженъ соби́ ямку; приляже туды, то трохи ёму и легше можно холодомъ трошки дыхнути. Зогри́ются и тутъ, переходять на друге ми́сце; та такъ выморились, такъ знемоглись, що не здумають и поворохнутися. Ци́ли́сенькій день ни́ хмариночки-жъ-то.

Ажъ-ось дуже къ вечеру, жара затихла трохи, товариши наши пи́днялись, здыхнули слободни́шъ, пойили чого було и пійшли.

«Якъ не поли́нуемося — каже Трохимъ: —» то сви́томъ и дома будемо. Ви́дъ сёго ли́ску до нашого села ти́лки двадцять верстовъ.»

— «И веліл милость що будемо. — сказавъ Денисъ. — ти́лки не ви́дставай; ты усе пристаешъ. Поспи́шай.»

Отъ якъ идуть, и верстовъ си́мъ учистили зъ полудня — стала показуватися мовъ сти́на чорна; дали́ ви́дъ ней

стали виддилятись. мовъ клубки густыи хмары зъ золотыми, видъ сонця, кругами. Клубы вьются, до купы збираються, и стина усе вышченько пидбираеться. Сонечко за тучу сховалось зараньне, и птиця стала збиратись и чого-сь жде на себе. Самчики сзывають самочокъ и якъ можно спишать, у кого е диточки, такъ до нихъ; а котори соби гулящи, такъ полетили ховатись. Де дали, де дали — усе зтиха, ни травка не колышеться, усе чого-сь жде великого, страшного! Дали стало и гуготити далеко — далеко, мовъ клокоче море, або гуде великій витеръ зъ далеку, або сила велика людей найзжа, що ще здалеку земля пидъ киньми стугонить. Блискавка одна тилки и показуеться, а сонечко зовсимъ зайшло; хмары зпустились такъ и не видно ничого.

«А що будемо робити? — ставъ казати Денисъ. — якъ мы пійдемо? — Скоро зовсимъ буде темно. Страшно безъ дороги йти.»

— «Ажъ онъ маячить лисокъ! — сказавъ Трохимъ; — поспишаймо туды.»

«Де лисокъ? Я ни ёго, и ничого не бачу.

— «Онъ якъ блисне блискавка, такъ видъ дороги на праву руку. Ходимъ мерщій; усе темнише становится.»

Вони поспишають. Пиднялася и стина. Стало зовсимъ темно. Поки не блисне, то ничогисенько и не бачуть передъ собою. Стина густа, чорна, страшна надвинула и простяглася видъ сходу до заходу сонця, и изъ усихъ мисць блискавка знай блеска. Гримъ гуде зъ переливомъ, мовъ де по горамъ громадне каминья качають и инше, мовъ упаде, стукне, та й замовкне.... а тутъ луна и загрехотить по усёму небу, по усимъ куткамъ сіеи вели-

кои хмары. Замовкнеть-же гримъ, такъ чуте щось гуде-клекоче, бурлить страшнийше самого грому!... А блискавка безперестанно! И якъ блисне, такъ писля неи пуще ничого не видно.

«А де-ты, Трохиме? — казавъ, дрижачи Денисъ. — » Озми мене за руку, та веди, я швидко впаду. Нигъ не пидволочу.

— «Держись за мене. — каже Трохимъ. — Тутъ вже не далечко. Вони видъ блискавки видно. — »

«Та я бо сіеи блискавки боюсь. Охъ, колибъ швидче до лису!... Бачь яка страсть іидеть! — Ось и дощикъ.... Ой швидче, швидче, поспишай.

Зо всимъ повисъ ёму на руки Денисъ; и Трохимъ самъ утомився, и ёго волоче; черезъ велику силу дотащивъ ёго пидъ густе дерево, положивъ и самъ звалився....

Тутже и усе туча надвинула якъ разъ надъ той лисъ и усюди небо покрыла якъ саме чорне сукно; хочъ скильки хочъ дивися, — ничого передъ собою не побачишъ ниякъ! Заревила престрашенна буря, шумить пидъ небесами, носиться по полю, упираеться у лисъ, преть ёго, мовъ зъ мисьця хоче ёго зпихнути и зомняти бвси. Голяки трищать, ламлются, падають... тутъ щось страшно загуло, ажъ свитить на увесь лисъ, гримъ покрыло... и разомъ геть!... впало ажъ земля здрогнула!.. А тутъ гримъ якъ загремотить, и впьять земля задрижала!.. а тутъ впьять такій же свистъ. и шумъ, и впьять щось-то впало, затрищало!... То буря пораеться... викови дубы валя мовъ прутьтя! Якъ же хлыне дощъ и вже не іиде, а лье. По лису шумить, зъ горы бижить ричками, клекоче... и видъ неи, и видъ бури що бушуе, и видъ грому, що

такъ и розрываеться надъ головами, шумъ такій и грохотъ, що страшно и згадати!... А тутъ блискавка червонымъ огнемъ очи́ засли́пля!... Именно преставленіе свиту!

Денисъ ни́ улежить, ни́ усидить, и не постоить на одному ми́сьци́. Ходить, перебига зъ пи́дъ-одного дерева пи́дъ друге, руки ломить, самъ себе не тямить!..» Трохиме, Трохиме! Ты спишъ, не боишся ни́чого!» такъ голосно зо страху сказавъ ви́нъ.

— «Ни́, я не сплю, тай не боюсь ни́чого.

— «Гри́мъ убьеть!»

— «Воля Божа. Я се знаю, та хочъ и лежу та молюсь Богу.

«Хиба-жъ ви́нъ и помилуе, якъ ему молиться?... Ухъ! якъ затри́щало у ли́си впьять!..

— «Помилуе, ти́лки покайся....—»

«Якъ покаятись такому гри́шнику? Якъ мене Богъ може простити́?»

— «А щожъ?—Кайся ви́дъ щирого сердця, твои гри́хи не яки велики́? ты такъ гри́шенъ, якъ и усякъ чоло..... Господи! Що се?»—

Тутъ вони впали обы-два на вколи́шки!...

Огнена стри́ла прори́зала усе небо и якъ окомъ моргнути вдарила у те саме дерево, пи́дъ которымъ попереду стоявъ Денисъ и от-се прійшовъ до Трохима. Дерево превысоченне було,—ёго такъ до половины у ми́лку щепу розбило и уси́ ги́лья стерло и змьяло, такъ що и сли́ду ихъ не зосталось.

На силу пи́днявся Денисъ! а се ви́дъ нихъ, де вони стояли тежъ пи́дъ деревомъ, було не би́лшъ якъ саженивъ зъ десятокъ.

Очунявши трохи, ухопивъ Трохима за руки́ и ставъ прохати: » ходи́мъ, ходи́мъ, ви́дсиля! туть насъ Богъ побье!»

— «Куды-жъ мы заховаемось? — каже ёму Трохимъ: — бачъ яке лихо по усему ли́су? — от-то гри́мъ запаливъ дерево; бачъ горить? Ад-же и далеко ви́дъ насъ; тай по усёму ли́су така ха̀лепа! —»

«Ой страшно, страшно! — Ато хто сидить, та дивиться на мене?»

— «Богъ зъ тобою! нема ни́кого. Молись лучше Богу. — »

«Мене и Богъ не помилуе! Ты думаешъ я такій?... Охъ, лице запалило!»

— «Помилуе, молись, кажу, та кайся. —»

«Де вже мині́ покаятись? — Я той, що васъ обкрадавъ.... не було другого злодія у селі́.... се мое ди́ло! — Мене пи́дводили други... Я обкрадавъ васъ усихъ.... передававъ цыганамъ, москалямъ.... бравъ гроши́, та богати́въ.... лавки оби́кравъ.... выверти́вся! — Хоти́въ и тебе такъ, якъ от-того, що сидить и дивиться гри́зно на мене.» Такъ казавъ, не тямлячи ни́чого, Денисъ, и бьючи себе у груди́ кулаччамъ.

Тутъ разомъ якъ осcяе ихъ блискавка, якъ хрясне гри́мъ, мовъ небо на нихъ впало!... обы-два впали нечуственно. Трохимъ, пи́дплывши водою ви́дъ дощу, трошки очуствова́вся, бачить: Денисъ би́га коло нёго, руки лама, бли́дный якъ смерть и, не тямлячи самъ себе, кричить: —» Я не ти́лки злодій, я й душегубець! — зари́завъ нищого.... мавъ грошей у нёго знайти.... одежу свою закровавивъ... а ви́нъ он-де свариться.... Господи! и ты мене не помилуешь? —»

И ставъ би́гати якъ не о своему уми́. Спомигся три́шки Трохимъ, пи́днявся на ноги, ставъ ёго розговорювати, щобъ прийшовъ у чувство.

Ни́, — кричить Денисъ — мини́ Богъ смерть дасть.... мене гри́мъ убье.... Я злоди́й!... я прикидався добрымъ, на другихъ пеню зводивъ, тебе мавъ зари́зати, щобъ ты про лавку у сели́ не розсказавъ.... теперъ кажи. Ось-ось мене Богъ вбье; розскажи уси́мъ, якій я.

—«Та Богъ зъ тобою, Денисе, що се ты думаешь? повѣрь не мини́ — Богу святому, що якъ я побожився, такъ и не збрешу; буду держатись присяги, и тебе не попрекну ни́ у чимъ.—»

Тутъ же Трохимъ ёго развважуе, а тутъ гри́мъ такъ и рокотить, а блискавка ажъ очи палить! Якъ стукне, якъ грякне, якъ лясне́, якъ затрищать дубы, якъ запала́ де верхъ деревни́ якои, якъ шарахнуть ги́лья, — тутъ Денисъ и стане вни́-ума, и впьять свое розсказуе, що ви́нъ душегубець, злоди́й, прикидався добрымъ и усе таке. Дали́ приставляеться ёму старець, що свариться на нёго; и ви́нъ почне розсказувати якъ убивъ ёго, и усе каже Трохимови́: уси́мъ, уси́мъ се розскажи: нехай бережуться мене.»

Греми́въ, торохти́въ гри́мъ, дали́ ставъ зтихати, бо туча вже перейшла. Затихъ и дощикъ; ти́лки блискавка не давала ни́чого розглядити; дали́ и та усе потрошку, усе тихше, усе менше, дали́ вже блиска ти́лки здалеку.

Роздивився Трохимъ, ажъ вже стало на сви́тъ заниматись. «Ходи́мъ, каже, Денисе! вже мы недалечко ви́дъ свого села. Ходи́мъ швидче.»

—«Брати́ку, Трохиме! — каже Денисъ, не сходячи зъ ми́сьця, — боюсь ворухнутись! Усе мини́ чуеться гри́мъ,

усе мині бачиться той анахтемськiй старець! . . . Трохимочку, голубчику! Не росказуй нікому нічого!»

Впьять Трохимові треба божиться; сякъ-такъ розговоривъ ёго, пішли.

Що досвиткомъ, що вже й сонечко зійшло, ійдуть и усе поспішають. Денисъ черезъ усю дорогу хочъ бы пару зъ устъ пустивъ, усе задумавшись ійде,—далі якъ крикне: —«А лучше бъ мене гримъ убивъ!»

—«Богъ-зна-що ты споминаешь! сказавъ Трохимъ и глянувъ на Дениса, та ажъ злякався: очи якъ жаръ горять, и самъ розлютованый мовъ звиръ якій. А усе розговорюе ёго: будь веселенькій, каже, вже тілки пьять верстовъ зосталося; се вже наше поле.»

«Тілки пьять верстовъ?—Тілки не видно якъ зъ кимъ-небудь повстрічаемся и мене віддаси. Пропадай же ты одинъ!» Та зъ симъ словомъ тамъ и поваливъ Трохима, и насівъ ёго.

—«Богъ зна . . . що ты . . . Денисе, робишь?—сказавъ, стогнучи, Трохимъ підъ Денисомъ; далі ставъ проситись:— пусти мене, братіку, голубчику, соколику! Ей-велике слово, нікому нічого не скажу! Возьми собі мои усі гроши що тутъ зо мною, тілки не губи души своеи и моеи! Не сироти моихъ діточокъ, не вбивай за живота жинки; на кого моя старенька матінка зостанеться? Братикомъ, батькомъ ріднымъ буду тебе цілый вікъ звати!— Не дай мині безъ покаянія вмерти!—Дай-же мині хоть часиночку Богу помолитись! . . . .»

«Помолишся и на тімъ свиті! лютуючи якъ звіръ казавъ Денисъ, одною рукою держучи руки Трохимовы и колі́номъ его надавивши, а другою рукою достаючи

изъ за халявы ни́жъ свій; такъ якъ ни́ поспи́ша, не зправиться одніею рукою. А Трохимъ знай проситься; здыхнувъ и каже: «Господи милостивый! . . . Не несе Богъ ни́кого, щобъ хто свиди́телемъ бувъ моеи безвинноі смерти!» Тутъ пи́дкотилося «перекотиполе» ви́дъ ви́тру и до самого ёго. Ви́нъ глянувъ жали́бно, та й каже: — «нехай се перекотиполе буде свиди́телемъ, що ты мене безвинно погубляешь! . . . .

— «Нехай свиди́тельствуе скі́льки хоче. Знавъ же на кого и послатись!» казавъ, регочучись Денисъ и розни́маючи ни́жъ зубами, той ни́жъ, якимъ усю дорогу краявъ Трохи́мивъ хли́бъ и пропитувався.

«Господи милостивый! пріймы мою душу! . . жиночка . . . дѣточки . . . . тату . . . . .

Денисъ змахнувъ рукою . . . хоти́въ щось регочучись сказати . . . такъ Ангелъ Божій, щобъ не дати ёму у сей часъ насмі́ятись, хлынувъ ёму у ротъ братовою кровію и, принявши душу безвинного праведника, пони́съ іи прямо на небеса. . . . .

. . . .

Приби́гли двое пастухи́въ ви́дъ череды и объявили голови́, що у таки́мъ и таки́мъ ми́сти́ лежить зари́заный чоловикъ; а хто? Вони зъ ляку и не роздивились. Голова заразъ самыхъ надежныхъ людей пославъ, щобъ би́ля того зари́заного калавурили, и щобъ ни́ сами до нёго не пи́дходили, и ни́кого не допускали; а стане хто навъязуватись, або щô такее робити, або казати, то ёго, якъ подозрительного, узять и до волости привести. Тутъ же написали лепортъ до земскаго суда объ таки́мъ случаи, *що скоропостижно вмерший, зари́заный чолови́къ, по имени и прозванію не*

извйстный, лежить благополучно на тймъ самймъ мйсти, де ёго смерть постигла.

Де-яки зъ хазяйства пйшли зъ села на заробйтки и ище не повертались до дому, та жинки ихъ и нйчого, и нужды нема. Трохимова жъ жйнка и мати . . . : що-то! — почувши объ симъ, у водинъ голосъ крикнули: — «Охъ, лишечко! Се жъ Трохимъ, певно Трохимъ!» и за-здалегидь стали голосити. . . . Сердце звйстку подало!

Що то вже вони просили голову, щобъ подозволивъ пйти оглядйти, и коли вйнъ, такъ хорошенько ёго обмыти и вбрати, а коли можно, и до дому привезти — звйстно, жиноче дйло: вони не знають порядку. Голова — и не дай Боже нйкому и пйдступити, крйпко-на-крйпко запретивъ, поки судъ не вы́йде и не розвьяже ёму рукъ!

Ажъ ось, на другій день явився у село и Денисъ. Та що-то одягный! Ище лучче усе собй посправлявъ, у чимъ по-переду ходивъ. Веселый, говорливый, жартуе зъ усима, кого постри́ча́. Бачить, що люди зйходяться усе до волости, и вйнъ туды. Ему й росказують, що знайшли зарйзаного; а вйнъ заразъ и не зтерпйвъ и пытаеться. — » щожъ ёго жйнка та мати кажуть?»

— «Чіи? —» дивуючись пыта ёго голова.

«Ад-же вы... чи хто пакъ казавъ?... що кажуть то Трохимъ?»

— «Ще незвйстно и никто зъ насъ объ тимъ и не думавъ, не те що казати. Чи мало ихъ повыходило зъ села на заробйтки? Може ще и не нашъ. —»

«Хто нй есть, нехай собй лежить, поки зведемо — сказавъ, смі́ючись, Денисъ. — А хто зарйзавъ, свидйтели скажуть.»

Де-які́ молодці́ тутъ були, та ажъ зареготались и кажуть: —» О, щобъ тебе зъ Денисомъ! Вже хочъ що, а латку и приставить. Дежъ таки у чистому полі́ свиді́тели? Вже коли порався, такъ самъ на самъ....»

Ажъ ось дзвоникъ. Самъ справникъ прибі́гъ, и заразъ крикнувъ:» Гдѣ мертвое тѣло?

— «На мі́сті́, ваше благородіе! — одві́тъ давъ голова.

«Писарь! отбери понятыхъ честныхъ людей, возьми зъ нихъ присягу и веди до тѣла; я сей часъ буду. Голова! ійди за мной.»

Уві́йшли голову у хату, защепнувся и ставъ ёго розпытувати, чи нема на кого якого сомні́ні́я, хто що казавъ при сёму ді́лі́.

Голова якъ мавъ Дениса за честного, то и не сказавъ, якъ ві́нъ було проговорився, и не забризкавъ ёго. Такъ и зосталося.

Пі́дъї́хавъ и лі́карь; заприсягли и понятí. Справникъ побачивъ межъ ними Дениса и каже: — «Зачі́мъ-же въ понятіи, та такого молодого парня поставили? Тутъ надобно добросові́стныхъ стариковъ.

— «Се, ваше благородіе — казавъ голова: — хочъ и молодъ чолові́къ, а у насъ зъ стари́ківъ нема такого розумного, розсудливого, понятливого, и якъ-то усе умно розбере!»

Се жъ голова казавъ справникові́ тихенько, самъ усе поглядаючи на Дениса, а той и бачить. Якъ же справникъ почувши се ві́дъ головы, сказавъ голосно, и собѣ дивлячись на Дениса:» Хорошо, подавай ёго сюда!» — то сее почувши, Денисъ крі́пко поблі́дъ, а справникъ и запримі́тивъ, и бутсі́мъ и ні́чого.

Зибрались уси до місця, де лежало тило; справникъ веливъ понятымъ свидительствувати, чи нема боевыхъ знакивъ? . . . .

«Та нема!» — гукнувъ Денисъ, здалеку стоячи. — «Де вони будуть? Тутъ разомъ ризонуто ножемъ, та й аминь?»

Справникъ замитивъ и се, и мовчить.

Оглядуючи, знайшли, що полы у свиты на кинцяхъ повыризовани, и якъ биля того знайшли гривеничокъ, такъ и догадались, що у свити були гроши, та вынято. Якъ же роззули чоботы и онучи, то и знайшли зашитыхъ ажъ пьять золотыхъ. Тутъ Денисъ овси забувся, та ажъ скрикнувъ: «бачъ, и не признався!» Та сказавши се, схаменувся, зырнувъ, ажъ справникъ на него пылно дивится,—такъ винъ и не знавъ куды ёму очи дити: заморгавъ, поблидъ, та швидче межъ народъ . . . Справникъ ще змовчавъ.

Якъ ось настигли жинка и мати Трохимовы; за ними учепився и хлопчикъ ёго по шостому году. Ще й не дийшли гараздъ, а вже жинка и пизнала, и крикнула: «Трохиме, Трохиме, мий Трохимочку! . . .» и припала до нёго зъ матирью, а хлопчикъ, звистно дитина, плаче, та кругомъ его облазить та дивится. . . .

Справникъ було повеливъ вдивести ихъ, щобъ не мишали дило робити, а дали и сказавъ: — «Пускай они ёго оплачутъ. Кровь не вода. Мы свое дѣло успіемо зправити.» И ставъ биля нихъ зъ ликаремъ, а Денисъ, якъ то привыкъ хвастати, що усе пепередъ усихъ и усе-бъ то до панивъ ривнятись, такъ и теперъ ставъ по-биля справника.

И якъ-же то дуже голосили и жалибно приговорювали надъ Трохимомъ! Мати каже: — «На кого ты мене, мий

сыночку, лебедику, покинувъ, пи́шедши на заробі́тки? Хто мене, стару, немошну, догляне? Лучче бъ мені́ смерть заподі́яно! . . . . и усе таке. А жи́нка приговорювала: — «Промовъ, мі́й Трохимочку, хочъ одно словечко! Дай мині́ порадоньку: якъ мині́, безъ тебе, зъ ді́тками бути?—Промовъ слово, скажи хто розлучникъ нашъ? Покажи, чи не було якого свиді́теля, якъ тебе замучували, якъ ты душу Господу ві́ддавъ? . . .

«А се, мамо, що? — крикнуло хлопья, граючись зъ чимъ-то, що выняло зъ батькєвои руки.

Справникъ почувши се, сказавъ Денису, що край ёго надувшись та на бакиръ шапку маячи стоявъ: «посмотри, што тамъ такое и покажи сюда.»

Денисъ пі́йшовъ, вынявъ, подивився, здри́гнувъ увесь, зомнявъ у руці́ и кинувъ геть. Самъ-же то побли́дъ — поблі́дъ якъ сті́на!

«За чимъ ты бросивъ?—крикнувъ на нёго Справникъ:— што тамъ такое? Покажи сюда.

— «Та се ні́чого, ваше благородіе! се такъ. . . . бурьянъ.» каже Денисъ, а самого мовъ лихорадка трусить.

«Какой бурьянъ? — покажи сюда!»

— «Бурьянъ, такъ, трава. Мабуть, якъ покі́йникъ вмиравъ, такъ за траву ухопився, такъ вона у нёго у руці́ и зосталася. —»

«Та какая-жъ то трава? Покажи сюда.» Такъ допытувався справникъ, бачачи, що Денисъ ні́ зъ за того, ні́ зъ за сёго, усе бі́льшъ—усе бі́льшъ мі́шаеться.

— «Та такъ пе. . . пере. . . . коти. . . . поле. — » ледве промовивъ Денисъ.

Тутъ хлопья ухватило перекотиполе, що якъ на те прикотилося туды ихъ багацько. тай показуе Денисови́ и каже зъ дуру: — «Ось, дядьку, ще таке! Ихъ багато коло тата. Вони мабуть бачили усе......»

«Брешишь! крикнувъ Денисъ, ви́дпихнувши хлопця ви́дъ себе, и вже не тямлячи що й казати! Такъ то вже у нёго Богъ и розумъ ви́днявъ и языкъ попутавъ!...

— «Полно!» — крикнувъ Справникъ: — «говори теперъ усю правду. Ты знавъ, що на мертвому побо́ивъ нема, ты жалкувавъ що ви́нъ не признався объ золотыхъ, теперъ боишся перекотиполя! Говори, чего ты боишся его? Росказуй, какъ дѣло було!»

Денисъ и сюды и туды, и ви́дбри́хуватись бы-то, такъ справникъ на усякому слови́ такъ ёго и пи́ньма; и ти́лки що покаже ёму перекотиполе, то Денисъ такъ и затруситься, и помертвíе. А дали́ — ни́где ди́тись! — у овси́мъ повинився: за ви́що, и черезъ ви́що, якъ ви́нъ зари́завъ Трохима; якъ той, сердешный, здався на перекотиполе; якъ, ути́каючи ви́дти́ля щобъ обмыти кровь, усюды по полю чи́плялося ёму за ноги перекотиполе. И якъ бы не воно теперъ, та не хлопья зъ нимъ у ви́чи́ прили́зло, то може-бъ ще и одбрехався.

«Такъ вотъ какой онъ безди́льникъ!» — сказавъ Справникъ, а дали́ напавъ на Голову, и каже: —» Какъ ты сми́въ, голова, назначити у поняти́ такого ледачого?»

— «Щожъ, ваше благородіе!» — приступивъ Голова, а за нимъ и уси́ поняти́, усе старики, си́ди́ та честни́. —» Ви́нъ въ насъ честна душа—ни́кому ни́чого. Колибь уси́ таки були, тобъ и добре було! —»

«Не було-жъ у васъ, у селі, якои шкоды, и на кого вы думаете?» зпытався справникъ. . .

— «Щожъ? — сказали люди: — «хочъ часомъ и була шкода, такъ се не вінъ. Якъ обиськовали, такъ вінъ було де самъ ворівські вещи знаходивъ. —»

«Говори, признавайся, это твое дѣло? крикнувъ Справникъ на Дениса.

Той якъ затрусився, и повинився у вовсімъ, що якъ почавъ зъ курей красти, та бачачи, що грошики перепадають, такъ вінъ и далшь; якъ зазнався зъ москалями, що великі промыслы робили, и по усімъ усюдамъ крали, та зъ цыганами прирожденными злодіями; якъ, и де зъ ними и кого обікравъ,—усе розсказавъ; далі якъ и старця немошного зарізавъ, надіючись у нёго гріщми поживиться; усе до чиста розсказавъ, и якъ на другихъ пеню зводивъ.

Люди, слухаючи ёго, такъ и вжахнулись, та ажъ объполы руками вдарили и кажуть: — «Хто жъ на нёго надіявся, що воно таке ледащо? Мы думали що ёго розумнішаго, моторнішого и честнішаго и у селі нема, а воно ось яке выявилось! Самый первый злодій, мошенникъ и душегубець!»

«Хочъ люди, не знаючи, и думають про кого, що вінъ е добрый, а коли безділнича и кінці хова, то Богъ ёго хочъ не скоро, а завсегда выявить.» Сказавъ справникъ и велівъ Дениса препроводить у городъ.

Досталося-жъ Денисові Лыскотуну за усі ёго діла: котузі по заслузі. Полыскотавъ ёго катюга добре и спроважено до кунпаніи, до товариства, туды, де козамъ роги правлють! . . .

Такъ-то судъ Божій не потерпи́въ неправды; и хочъ якъ ки́нци́ були захова́ни́, такъ Богъ объявивъ; и черезъ яку безди́лицю? — черезъ бурьянъ, черезъ «перекотиполе».

Основьяненко.

Харьковъ.

ДУМКА.

═

Тяжко-важко въ свиті жити
Сироті безъ роду;
Нема куды прихилиться, —
Хочь зъ горы та въ воду!
Утопився бъ молоденькій,
Щобъ не нудить свитомъ;
Утопився бъ; тяжко жити,
И нема де дітись.
Въ того доля ходить полемъ,
Колоски збирае;
А моя де-сь ледащиця
За моремъ блукае.
Добре тому богатому:
Его люди знають; —
А зо мною зострінуться, —
Мовъ не добачають.
Богатого губатого
Дівчина шануе;
Надо мною, сиротою,
Сміеться, кепкуе.
«Чи я жъ тобі не вродливый;

Чи не въ тебе вдався;
Чи не люблю тебе щиро;
Чи зъ тебе сміявся?
Люби жъ соби́, мое сердце,
Люби, кого знаешъ,
Та не смі́йся надо мною,
Якъ коли згадаешъ.
А я пи́ду на край сви́та....
На чужій сторонци
Найду красчу, або згину,
Якъ той листъ на соньци́.
Пи́шовъ козакъ сумуючи,
Ни́кого не кинувъ,
Шукавъ доли́ въ чужи́мъ поли́,
Та тамъ и загинувъ.
Уми́раючи, дививcя,
Де сонечко сяе....
Тяжко-важко уми́рати
У чужому краю!

Т. Шевченко.

ПАНТИКАПЕЯ.

Сви́тло гасне; галасъ пи́сень
На судахъ затихъ;
Ми́сяць бли́дый сумно плыне
По водахъ морськихъ.

Странній зъ городу выходить
Поночи́ одинъ:
Ми́жъ могилами, понурый,
Въ полі́ ходить ви́нъ.
Порозорені́, розрыті́
Царськи́ теремы; —
Тысячли́тніи останки
Ви́дъ старовины!
Поми́жъ ними є старі́йшій
Вышчі́й всі́хъ курганъ:
Его голову пробиту
Покрыва́ туманъ;
. . . .
. . . .
Черезъ мосуръ, черезъ камні́
Странній въ склепъ ві́йшовъ.
Излякавшись, выли́тае
Круглоокій птахъ. . . . .
Якъ тамъ жутко! Якъ тамъ вохко
По си́дыхъ сти́нахъ!
Странній си́въ, — отъ пови́вае
Въ склепъ тихій ви́трець;
Странній очи́ пи́дни́мае:
Передъ нимъ мертвець!
Ти́нь высока, ви́тряная,
Видно скризь іи;
Очи́ свитятся, якъ трухле
Древо въ осені́.

Странній.

Хто се?

Мара.

Той,
Хто мае волю, та не мае силы
Тебе зогнати ви́дси́ль, навьязливый!
Господарь я!

Странній.

Мертвець!

Мара.

Чи мало ще надъ нами наруганьня,
Що вы розбили насъ якъ харцизяки,
Святее наше покаляли, нашу
Худобу розі́крали? Наши склепы
Не тысячу годи́въ въ земли́ ховались —
Вы ихъ порозрывали, насъ самихъ
Повытягали зъ нихъ. Мовъ ти́сно стало
Вамъ на земли́ й на мори́? Мовъ малая
Краина ваша, що и мертвецямъ
Прійшлося покидать свои могилы?
Чи золота у горахъ недостача,
Що вы въ трунахъ шукаете ёго?
Чн мало ще й сёго? Вы оби́брали,
Розбили насъ — —вы хочете ще й хаты
Заняти наши, ночувати въ нихъ!

Странній.

О би́дна ти́нь! Я объ тоби́ жалкую:
Я зла тоби́ не заподіявъ, ни́!
Мини́ огидло ми́жъ людьми живыми:
Прости мене, коли прійшовъ шукати
У васъ покою.

Мара.

Га, га, га! Покою!
У насъ прійшовъ шукать того покою,
Якого насъ позбавили!
Дви́ тысячи́ годи́въ мы тутъ лежали,
Покійно, тихо, не видавши сви́ту:
О якъ то хороше въ земли́! по нашихъ
Могилахъ выступали й погибали
Народы; мы не бачили й не чули,
Бо ви́джили свій ви́къ. Нихто не сми́въ
Потурбувати насъ; ни́хто не знавъ,
Що тутъ таке заховано въ могилахъ.
Я самъ бувъ царь надъ берегомъ и моремъ:
Поки́рный мі́й народъ мене любивъ,
И поховавъ якъ сли́дъ, и пожурився.
Дивись! мій царській, неприступный склепъ
Порушили, ви́дбили, наче на сми́хъ
Усякому заглядувать туды;
Труну мою украли; попи́лъ мі́й
Розві́яли; ви́нець мі́й золотый
Показують па диво; зъ тихъ амфоръ,
Куды сти́кали слёзы моихъ ри́дныхъ,
Повымывали дорогіи пьятна!
Ой ой! ой! ой!

Странній.

О якъ мене твій крикъ бере за сердце!

Мара.

Що я зробивъ и́мъ? Чимъ надосадивъ?
Вони мене не знали — я не знавъ ихъ!
Теперъ, би́дазі́, присудила доля

Такую муку . . . . въ десять разъ страшни́шу,
Ни́жъ гри́шникамъ у тартари́. . . . . .
Тамъ, на чорному берези́ щироблакитного моря,
Ци́лый день, невидимый смертелнымъ очамъ, изъ нудьгою,
Сумно якъ баба морськая сижу я на ясному сонци́,
Терплючи сви́тъ, осоружни́шій ги́рше для мертвого ока,
Ни́жъ для грудей живыхъ спертый духъ у могили́.
Ни́чью жъ, якъ вынырне зъ хвиль срі́бронога ди́вчина Селена,
Я устаю, и вештаюсь скри́зь по розрытыхъ могилахъ;
Часомъ зустри́ну знакомую ти́нь: — ворога або друга —
Дружка до дружки застогнемъ, тай ри́зно соби́ почваласмъ.
Часомъ захожу и въ городъ лякати маленькіи ди́ти;
Часомъ край суденъ завью, и зъ ляку гребець стрепенеться!
Коли жъ на сходи́ задніе, покине вродлива Аврора
Пости́ль зъ туману пошиту, тоди́ я вертаюсь до моря,
Знову си́даю на берегъ терпи́ти усе тую муку.
Такъ ни́ у день, ни́ у ни́чь немае мини́ ви́дпочинку,
Такъ и у день, и у ни́чь я все ныю и ги́рко страждаю.

Странній.

Несчастна ти́нь! Ги́ркую пьешь ты, би́дна!
Шкода жъ хоти́ньня нашого все знати?
Але не позирай на мене гри́зно;
Хай небо сви́дкомъ буде: е у мене
За тебе слёзы. Мои руки чисти́
Одъ вашои худобы. Я здалека,

Я не копався у могилахъ вашихъ. Я
Жалкую объ тоби́, несчастный царю.

Мара.

У сто рази́въ счастливи́йшій одъ мене
Посли́дній изъ моихъ пи́дданныхъ. Злоди́й
Не прійде вытягать ёго зъ сырои.
У сто рази́въ счастливи́йшій бы бувъ я,
Коли бъ якъ простого, безъ жодні́й чести,
Мене сховали въ поли́ и могилу
Мою зри́вняли плугомъ: не блукавъ бы
Я по сёму поморью, — я, що бувъ
Законный царь надъ симъ поморьемъ!

Странній.

Чи́мъ, би́дна ти́нь, тебе спокоить можно?

Мара.

Ни́чи́мъ, ни́чи́мъ. И хочъ бы мавъ ты волю
Внести упьять мою труну въ могилу,
Вернуть мині́ рози́кранее злото,
И зновъ ви́дправить тризну, зновъ оплакать
Мою кончину — и тоди́, якъ перше,
Я не вспокоюся! Що разъ зробилось,
Тому незробленымъ не можно бути!
Гри́хи мои супроти мене встали;
Поки я спавъ захованый — вони,
Давни́шни́, вже були загрузли въ пекли́;
А якъ мене збудили — повставали,
Напались на мене, грызуть, и́дять,......
И не ви́дчеплються: свитъ ставъ инакій!
Коли погасне сонце, высхне море,
Згорить земля и стане углемъ, — и тоди́

Я не вспокоюсь: на іи останкахъ
Блукатиму по холоду, въ темноти́,
На ви́шни́ ви́ки, въ муци́, безъ наді́и ,
На ганьбу чолови́чому хоти́нью.
  Ви́шный законъ чолови́кови́ доля дае справедлива:
  Ви́шный законъ занехавши, лихо зробивъ чолови́къ!
  Горе тому, чьи кости зъ земли́ чолови́къ виби́рае;
  Ги́рко й тому, хто за золото мертвыхъ покою збавля.
Счасливо, чолови́че, хай тоби́
Того не буде пи́сля смерти, що мини́!
Ой горе, горе!....
И посли́дні́й галасъ ти́ни́
У степу затихъ;
Ми́сяць бли́дый сумно плыне
По водахъ морськихъ.

І. Галка.

Керчь 1841.

НЕВОЛЯ.

Дайте мини́ коня мого,
  Дайте вороного;
Пусти́ть мене, пусти́ть мене
  Въ поле на дорогу.
Я уздою золотою
  Коня зануздаю;
Ви́тромъ буйнымъ пронесуся
  До ри́дного краю.

Ки́нь козачій — не ледачій —
Полетить до стана,
Ми́жъ хатами, кури́нями,
Якъ вкопаный, стане.
Та й скочу я зъ вороного,
Землю поци́лую,
Зъ гори́лкою до губъ моихъ
Чарку притулю я.

═

Тихо, тихо . . . нема коня,
Нема вороного, —
Не пускають козаченька
Въ поле на дорогу.
Понесется панъ кошовый
Безъ мене на си́чу;
Зійде сонце въ чисти́мъ поли́ —
Я ёго не зтри́чу.
Буде буйно шабля гостра
Ляха, Турка бити,
Будуть зъ гикомъ Запорожці́
По-морю лити́ти . . . .
Ой колибъ хто подавъ мини́,
Коня вороного,
Ой колибъ хто пустивъ мене
Въ поле на дорогу! . . .

Я. Щоголевъ.

РОЗМОВА ЗЪ ПОКІЙНЫМИ.

Ой чому жъ ты не такъ сви́тишъ, та ясне красне сонечко,
Якъ сви́тило колись мини́ въ зелени́мъ садочку,
Якъ сиди́въ я межъ ри́дными на травици́,
А край мене голубчики братця та сестрици́?
Ой чому жъ ты, та сонечко, въ далекій чужини́
Не поглянешъ, якъ дивилось, мовъ Анголь ви́дъ Бога,—
А тепера позираешъ, якъ вдовиця вбога?
Ви́трець гуди́въ тихесенько, шушукало листя;
Здавалося, що прили́тавъ нашъ ди́дусь за ви́стью:
Ой чи живи́, чи здорови́ его мили́ внуки?
Бо не зтерпи́въ ви́нъ изъ нами довгои розлуки.
И травиця-зелениця, мовъ хвиля, хитнулась;
То бабуся до унуки́въ своихъ навернулась:
Чи вси́, чи вси́ здоровеньки́ унуки маленьки́?
Не зтерпи́ла, не бачивши вона ихъ давненько.
Израдувавсь ди́дусенько на садочокъ красный,
И насъ брати́въ, его унуки́въ, соколики́въ ясныхъ.
Зрадувалась бабусенька на травы шовкови́,
Й васъ, сестрици́ іи внучки, мои чорноброви́.
Бо садили садокъ, травку вони й поливали;
Бо зростили своихъ внуки́въ вони й покохали....
«Годи́ ёму въ покійными вести розмовоньку;
Повеселимъ смутненькую ёго головоньку.»
Такъ сказала ты, сестрице, та и заспи́вала;
А зо мною черезъ тебе ненька розмовляла,—

Ненька, ненька старесенька, ри́дна Украина —
И до мене промовляла, мовъ до свого сына!
Веселенько, жали́бненько, смі́еться, рыдае,
А серденько до мати́нки такъ и припадае.
У вси́хъ очи́ якъ ти́ зи́рки такъ и запалали,
И до Бога вже молитву за родину слали...

═

Чому, чому, сонце красне, якъ на домовини́
Сви́тишъ смутно, невесело въ далекій чужини́?

А. Могила.

ВЕЧИРЪ.

═

Зхилившись на руку, дивлюся я
Въ вечи́рне край-небо далеке и глыбоке,
И чую — проситься душа моя
Туды, де потонуло въ хмарахъ око.

═

И тёхка серце у мене;
И въ очахъ стане темно, мутно;
Чого въ души́ мої́й такъ зразу смутно,
Якъ подивлюсь, вечи́рне небо, на тебе?

═

Покрыте хмарами, мовъ хвилями те море,
Що нишкомъ мовишь въ тишини́?
Чи ради́сть першую, чи тяжке горе

Ты шлешъ самотному мени?
Чого, скажи, твоя журлива мова
Мойи души недовидома?
И мова ся, и ся велика ричь —
Для мене темна такъ, — мовъ тая ничь!
Ты, може, мовишъ те, що такъ якъ хмары
Покрыли, край-небо, красы твои,
Такъ потемниють дни мои
Безъ радощивъ и видъ людськои кары?
А може те, що мій сиритській слидъ
Зальеться на свити слизою,
А доля зла и хмары бидъ
Ударють гримомъ надо мною?
Тебе я не пойму, й того, що дальше буде;
А тильки тяжко такъ мени,
Неначе небо се и хмары си
Мини схилилися на груди!

М. Петренко.

ШЕВЧЕНКОВИ.

Гарно твоя кобза грае,
Любый мій земляче!
Вона голосно спивае,
Голосно и плаче.
И сопилкою голосыть,

Бурею лютуе,
И чогось у Бога просить,
И чогось сумуе.
Нӣ, не люде тебе вчили:
Мабуть, сама доля,
Степъ, та небо, та могилы,
Та широка воля!
Мабуть, часто думка жвава
Труны роскрывала,
И козацька давня слава,
Якъ сонечко, сяла;
И вставали зъ домовины
Закутӣ въ кайданы
Вӣрнӣ дӣты Украины:
Козаки й гетьманы.
И святӣ кӣстки бӣлӣли
Спаленныхъ въ Варшави;
И могилы кровавили
Прадӣды безглавӣ.
Мабуть, ты учивсь спӣвати
На руинахъ Сичӣ,
Де ще рӣдна наша мати
Зазирае въ вӣчӣ;
Де та бӣдна мати просить
Кожну душу щиру,
Хто по свӣту кобзу носить,
Щобъ спӣвалы мiру
Про козацьство незабутне,
Вӣрне, стародавне́,
Про житья козацьке смутне,

Смутне, але славне.
Знаю жъ, братику ридненькій,
Якъ учивсь ты грати:
Ты послухавъ теи неньки —
Та й ставъ намъ спивати!

Александръ Чужбинскій.

1841. Ноября 26.
Чугуевъ.

ПИДБРЕХАЧЪ.

Дуже не добре дило брехати! Брехнею, кажуть люди, свитъ пройдешь, та назадъ не вернешся. Брехунъ соби говоръ и людямъ зло робить. Усякій зна сю правду, одначе усякъ бреше. Не на-ривно. Одинъ бреше на уси заставки; иншій бреше по тришку, оглядаючися; а усе не добре дило брехати. Хочъ ты на пив-пальця збрешишъ, а лиха наробишъ на весь викъ. Оглядитеся лишень кругъ насъ, на кого карлючка закарлючиться? Отъ-той якъ сватався, такъ казавъ, що въ нёго дви слободы и грошей повни коморы: одуривъ дивчину; пийшла за нёго, та й плачется по увесь викъ; бо нетилки ничимъ содержуватися съ диточками, та глядить лишень, чи є що кусати! Другій позыча гроши, божиться: черезъ годъ, каже, виддамъ; а годъ минувъ, — не тильки рость, та й исте пропало! Иншій каже: давайте попереду грошики: я вамъ

мудрыхъ книжокъ понаписую. Грошики счистивъ, а за книжками хочъ и не приходьте. «Цуръ дурни́въ — каже: одуривъ васъ, — буде зъ мене; слухайте, ось вамъ кумедіи.... Та якъ усе разсказувати, якъ хто и коли збрехавъ, такъ и до свита не перекажешъ ихъ. Мы ти́льки подумаймо объ ти́мъ, що не добре ди́ло брехати: не добре для себе; а другому такого наробишъ, що й ни́ ви́дчитаешъ ни́чимъ! Ось слухайте.

Просивъ Пархи́мъ Остапа, щобъ пiйшовъ за нёго старостою до Хиври́. Хивря була ди́вка годяща; була хозяйка, роботяща; ма́ла й худобинку; а Пархи́мъ тежъ парубокъ голи́нный хочъ куды. — Остапъ — ни́чого робити, — каже: Добре, пiйду, абы бъ товариша си́ськати.

Зостри́вся съ Самiйломъ.

«Зди́лай милость, Петровичу-Самiйло — каже Остапъ: — iйди зо мною пи́дбрихачемъ за Пархи́ма до Хиври́.

— Та чи зъумiю лишень? — каже Самiйло: — зъ роду не бувъ у си́мъ ди́ли́! —

«Та воно не трудно; каже Остапъ: — я буду починати брехати, а ты пи́дбри́хуй; зви́стно якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають; — а безъ брехни́ вже не можно! Я збрешу на палець, а ты пи́дбрихуй на ци́лый локоть; то й заки́нчаемъ ди́ло, запъемо могорычи; а молоди́, опи́сля, нехай живуть якъ знають!

— Добре, Остапе! зъумiю; пiйду добуду па́личку и зайду за тобою. — Сказавъ Самiйло и потягъ до дому.

Зи́бралися старосты якъ довгъ велить, узяли хли́бъ святый пи́дъ плече, палички у руки, пiйшли до Хиври́.

Увийшедши у хату помолилися, хазяину поклонилися

и почали казати законніи речи, про порошу, про князя, про куницю — извели на красну ди́вицю.

Добре усе. Стари́ Хиврины усе слухають; дали́ почали розпытовати: що е́ у молодого?

«Та у нёго чимало е́ чого;» — каже першій староста.

— Де то чимало? — каже пи́дбрехачъ: — у нёго усёго е́ багацько. —

«Е й волики.»

— Та яки волики? гаки настоящи́ волы.

«Е й овечата;» — почина першій староста.

— Та яки́ овечата? таки настоящіи ви́вци́; — пи́дбрехуе Самійло.

«Е й хатина.»

— Та яка хатина? настояща хата, нови́синька, просторна. —

«И у господарстви́ не дуже кому дае воли́.»

— Та таки и ни́кому. Самъ уси́мъ орудуе, и що хочеть, те й робить. —

Хи́врины стари́ ажъ плямкають, що таке добро достанется ихъ дочци́; та й почали пытати, хто именно парубокъ.

«Отъ коли знаете, Пархи́мъ;» сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Поцура; — договоривъ Самійло.

«Э! себѣ то той кривый на ногу?» спытала мати Хи́врина.

«Та ви́нъ такъ трошки храма, на одну ногу;» — сказавъ першій староста.

—Де то храма; и не на одну; а ви́нъ и обома́ не здужа ходити;—пи́дправивъ пи́дбрехачъ. —

«Та трохи чи́ не косый?» пыта батько Хи́ври́нъ.

«Та такъ, косенькій на одно око;» каже староста.

— Де то вже на одно? и не косенькій овси́; ви́нъ и обома́ ни́чого не бачить; — доповнивъ пи́дбрехачъ.

«Та ви́нъ щось гори́лку часто вжива́;» пытаеться батько.

«Такъ выпье по трошку, коли-та-коли;» каже Остапъ.

— Де то вже коли-та-коли? таки по усякъ день; и таки не потрошку, а пъе, поки звалиться.—

«Та, кажуть, щось тамъ нашкодивъ, такъ чи не буде ёму би́ды?» допытуеться батько.

«Яка тамъ бида́? Може провчать трошки;» сказавъ староста.

— Якъ то можно трошки? Его таки гарно кать кнутомъ попи́бье, та й на Сибирь зошлють; — заки́нчавъ пи́дбрехавъ......

Пи́сля такои розмовы що батькови́ та матери́ Хи́ври́нымъ робити? — Выпроводили нечестыо старости́въ и трохачи й не позывали ще за бе́шкетъ, що за такого жениха приходили сватати ихъ дочку. А на парня пустили славу, шо й по ви́къ не збувъ!

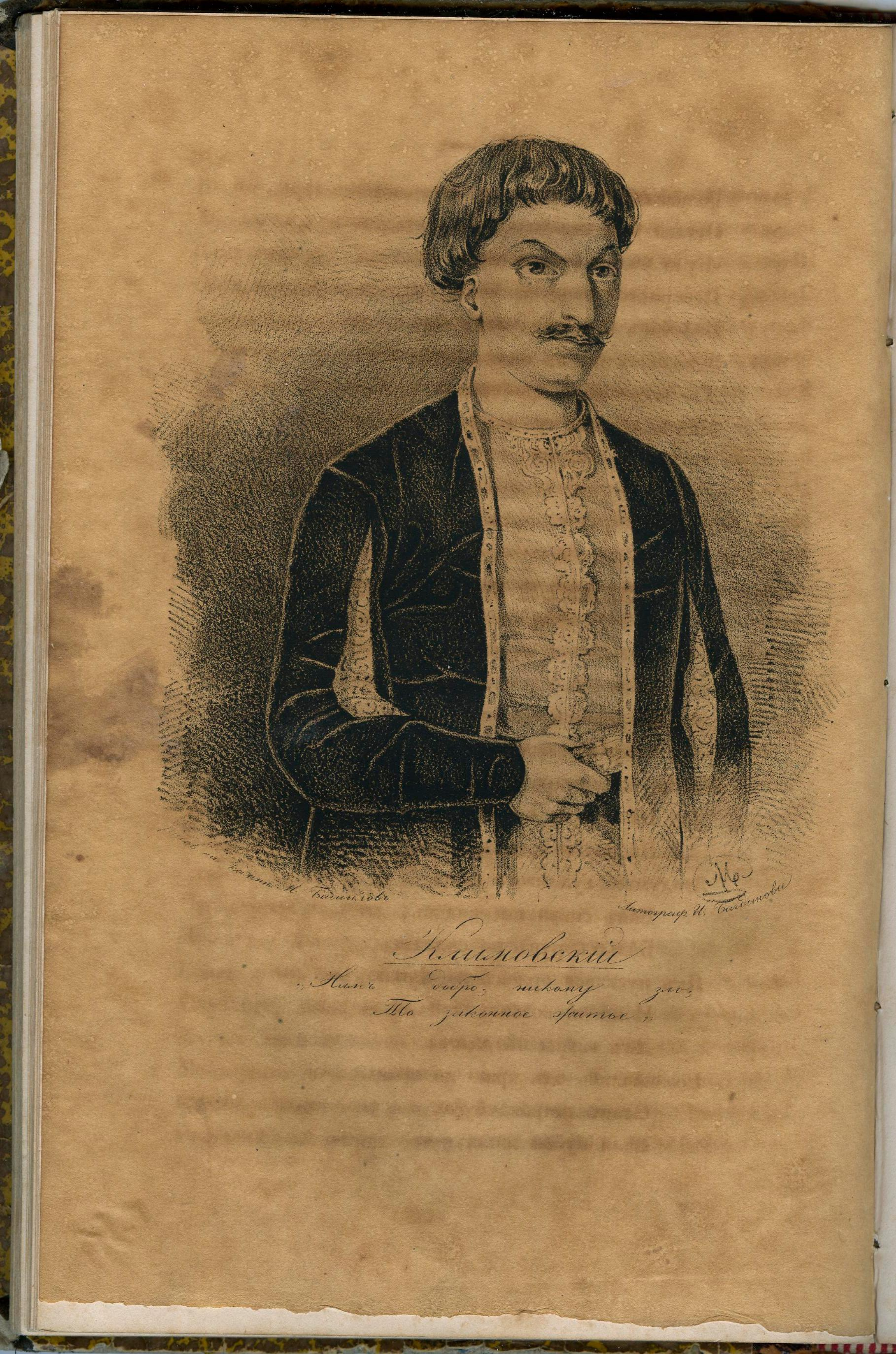
Дуже не добре ди́ло брехати! —

Г. Основьяненко.

Харьковъ 1842.
Феврал. 18.

Н. МАРКЕВИЧУ.

Бандуристе, орле сизый!
Добре тобі, брате!
Маешъ крыла, маешъ силу;
Е-коли літати.
Теперъ летишь въ Украину:
Тебе выглядають;
Полетівъ бы за тобою,
Та хто привітае!
Я й тутъ чужій, одинокій;
И на Украині
Я сирота, мій голубе,
Якъ и на чужині!
Чого жъ серце бьеться, рветься?
Я тамъ одинокій....
Одинокій... а Вкраина!
А степы широкі!
Тамъ повіе буйнесенькій,
Якъ братъ заговорить;
Тамъ въ широкімъ полі воля;
Тамъ синіе море:
Выгравае, хвалить Бога,
Тугу розганяе;
Тамъ могилы зъ буйнымъ вітромъ
Въ степу розмовляють, —

Климовскій

„Нимъ добро, никому зло;
То законное житье."

Розмовляють, сумуючи,
Оттака ихъ мова:
«Було колись, минулося, —
Невернется знову!»
Полети́въ бы, послухавъ бы,
Заплакавъ бы зъ ними...
Та-ба, — доля приборкала
Ми́жъ людьми чужими!

Т. Шевченко.

НА ЗГАДОВАНЬЕ КЛИМОВСЬКОГО.

По пи́дъ небомъ яснымъ,
У краю степови́мъ,
Наша неня стара Украина,
На поругу чужимъ,
На наді́ю своимъ,
Згодувала гулливого сына.
Ви́нъ списа не скидавъ,
Би́лыхъ рукъ не складавъ,
Якъ пускався орломъ по Дунаю, —
И пи́сни́ козака,
Якъ ви́тры зъ далека,
Розливались одъ краю до краю.
Степъ широка була,
Воля буйна жила, —

И спи́вавъ ви́нъ ту степъ и ту волю . . .
А година пріи̂шла —
Житомъ степъ поросла , —
И козакъ не ли́тае по полю.
Намъ про роки стари́
День и ни́чъ кобзари́
На бандурахъ своихъ выгравають;
Та зъ Чичаемъ, зъ Самкомъ,
Зъ Кальнашемъ, съ Павлюкомъ
Одного козака не згадають.
Хлопци́ жъ, хлопци́! спроси́ть,
Де нашъ лыцарь лежить:
Чи въ земли́ его прахъ поховали;
Чи орлы изъ ди́бри́въ,
Зъ Запорожськихъ луги́въ
Зъ лоба очи́ клювать прили́тали? . . .

Я. Щоголевъ.

ИЗЪ КРАЛОДВОРСКОЙ РУКОПИСИ.

ТУРНІЯ.

Слухайте, люди стари́ й молоди̂и, про валки й турніи!
Бувъ въ насъ за Лабою князь: и богатыи̂, и славныи̂, и добрыи̂;
Мавъ ви́нъ дочку-одиначку, милу ёму и вси́мъ людямъ.
О, та й хороша була вона! Гарныи̂, пряменькіи̂ станочокъ,
Очи́ ясненьки́ якъ небо, а зъ би́ли̂й ши́и спадало

Золотокудре волосься, вилось, котючись обидцями!
Разъ посылае той князь гонця за усими панами,
Щобъ позъиздились до его на пиръ веселый, та пышный.
Отъ изъ далекихъ крайвъ у намиченый день позъиздились
Въ замокъ до князя на пиръ великій, та бучный, та пышный.
Бьють у котлы; засурьмили у сурмы; паны йдуть до князя:
Вси поклонилися князю, княгини и красній князивни.
Дали уси за широки столы рядкомъ посидали,
Кожный по чину й по роду; носили тутъ ризніи стравы,
Медъ розливали: бувъ бенкетъ великій, бувъ бенкетъ на славу:
Мочи набралося тило, а мысли набрались завзятьтя.
Въ ти — поры князь до панивъ своихъ ричи такіи говорить:
Часъ вамъ, панове, сказати на-вищо зибравъ я васъ тута;
Хочу дизнатись, на кого зъ васъ дужче мини сподиваться;
Треба въ замирьи війны пиджидати; бо наши сусиди
Нимци. — Князь каже, и тихо паны одъ стола выступають;
Вси поклонилися князю, княгини и красній князивни.
Знову котлы загудили, и голосно въ сурьмы заграли.
Вси изійшлися на валку; на двиръ до ограды выходють.
Тамъ передъ панськимъ будынкомъ на пышнимъ рундуци усились
Князь зъ старшиною, изъ панями пани, зъ панянками панна.
Въ ти-поры князь до панивъ своихъ слово таке промовляе:
Хто зъ васъ попереду выйде на герець, я самъ те уставлю!
Князь на Стребора махнувъ; Стреборъ вызыва Людислава.
Сили обидва на коней, гостри списы ухопили,
Прутко одинъ проти другого кони баськіи погнали,
Довго выгляли и бились, обидва списы поламали;
Дали втомились и швидко розъихались дружка видъ дружки.
Знову котлы загудили, и голосно въ сурьмы заграли.

Въ ти́-поры князь до пани́въ своихъ слово таке промовляе:
Хто зъ васъ выйде у друге на герець — княгиня хай скаже!
Пани́ махнула Серпошови́; той поклика Спитибора.
Си́ли обидва на коней, довги́ списы ухопили,
Вдаривъ Серпошъ Спитобора и выбивъ зъ си́дла, изъ кри́пкого;
Скочивъ и самъ изъ коня; тутъ обидва ми́чи добуваютъ;
Бьються, си́чуться, разъ-по-разъ у чорни́ щиты ударяютъ;
Зъ чорныхъ щити́въ разъ по разъ выскакуютъ искры. Спитиборъ
Вдаривъ Серпоша — Серпошъ покотився на землю холодну.
Дали́ втомились вони й розійшлися дружка ви́дъ дружки.
Знову котлы загуди́ли, и голосно въ сурьмы заграли.
Въ ти́-поры князь до пани́въ своихъ слово таке промовляе:
Хто изъ васъ выйде у третье на герець—Людиша хай скаже!
Панна махнула Люборови́, той поклика Болеміра;
Си́ли обидва на коней, довги́ списы ухопили;
Прутко въ ограду летять, нами́ряючись дружка на дружку;
Бьються списами; зъ коня Болемі́ръ покотивсь на доли́вку;
Щитъ его при́чь полети́въ; понесла его челядь зъ ограды.
Знову котлы загуди́ли, и голосно въ сурьмы заграли.
Въ той часъ Люборъ покликае Рубоша; сей на коня садовиться,
Прутко летить на Любора; Люборъ ему списъ роси́кае,
Попери́къ три́снувъ ми́чемъ и си́тку ему пробивае; —
Гепнувъ на землю Рубошъ; понесла его челядь зъ ограды.
Знову котлы загуди́ли, и голосно въ сурьмы заграли.
Въ той часъ Люборъ покликае пани́въ до ограды на валку:
Хто, каже, хоче зо мною побиться, хай выйде въ ограду!
Бойкій Здиславъ зъ великимъ списомъ обі́брався на валку.
Висить на списи́ воловья страшна голова; выступае,

Гордо си́да на коня, уизжае въ ограду й говорить:
Ди́дъ мі̆й забивъ престрашенного дикого тура; а батько
Ви́сько ни́мецьке одинъ сполошивъ—покуштуй моей силы!
Туть зъ усі̆й мочи́ одинъ проти другого кони́ пустили.
Сперлися вразъ головами й обидва попадали зъ коней.
Поти́мъ ми́чи добули и пи́шки рубатися стали;
Скокнувъ Люборъ на Зди́слава, у голову вдаривъ; на шматьтя
Шлемъ рострощився, — ми́чемъ по ми́чу ударяе —
Ми́чь полети́въ за ограду, — Зди́славъ простягнувся на землю!
Знову котлы загуди́ли, и голосно въ сурьмы заграли.
Коло Любора зи́брались паны й повели передъ князя,
Передъ княгиню, та передъ Людишу. Вродлива
Панна ёго заквичала ви́нкомъ зъ дубового листу.
Въ той часъ котлы загуди́ли, и голосно въ сурьмы заграли....

І. Галка.

РИДНА МОВА.

=

Ри́дна мова, ри́дна мова!
Мовъ замеръ безъ тебе я!
Ти́льки вчую: ри́дне слово
Оби́звалось мовъ си́мья,
Оби́звався батько ри́дный,
Що умеръ за козаки́въ;
Мовъ народъ, учулось, би́дный
Застогнавъ изъ пи́дъ Ляхи́въ!

=

И здается: ки́нь ретивый
Топче нашихъ ворогíвъ;
И бачься: Дни́про спесивый
Спину гне зъ за-для човни́въ. . . .
Понеслися наши хлопци́,
Зашуми́ла хвиля гень, ...
И при ми́сяци́, й при сонци́
Идуть ни́чью, и́дуть вдень!

═

Було счастя, були чвары;
Все те геть соби́ пи́шло,
И якъ сонце изъ-пи́дъ хмары
Ри́дне слово изи́йшло.
Приняло козачи́ ри́чи́,
Реги́тъ, жарты, плачъ, печаль;
Озоветься якъ изъ Си́чи́:
Стане сми́хъ и стане жаль!

А. Могила.

УТОПЛЕНА.

(Баллада).

═

Ви́теръ въ гаи не гуляе —
Въ ночи́ спочивае;
Прокинеться тихесенько —
Въ осоки питае:
«Хто се, хто се, по си́мъ боци́

«Чеше косу? хто се?
«Хто се, хто се по ти́мъ боци́
«Рве на соби́ косы?»
— Хто се, хто се? — тихесенько
Спытае, пові́е,
Та й задри́ма, — поки неба
Край зачервоні́е!
Що се, що се, спытаете —
Ци́каві ди́вчата:
Отто дочка по си́мъ боци́;
По ти́мъ боци́ мати!

Давно колись те діялось
У насъ въ Украинѣ:
Середъ села вдова жила
У нові́й хатини́,
Би́лолиця, кароока,
И станомъ высока.
У жупани́, кругомъ пани́,
И спереду, й збоку;
И молода—ни́ вроку ї́й, —
А за молодою,
А надъ то ще за вдовою,
Козаки ордою
Такъ и ходять: и за нею
Козаки ходили,
Поки вдова безъ сорома
Дочку породила,
Породила, та й байдуже;
Людямъ годувати

Въ чужи́мъ сели́ покинула:
Оттака-то мати!
Постревайте, що ще буде!
Годували люди
Малу дочку, а вдовиця,
Въ неди́лю и въ буддень,
Зъ жонатыми, зъ парубками,
Пила та гуляла,
Поки лихо не спи́ткало,
Поки не та стала; —
Не счулася, якъ минули
Ли́та молодîи!
Лихо, лихо; — мати вьяне; —
Дочка червоніе —
Выростае . . . та й выросла
Ганна кароока,
Якъ тополя середъ поля,
Гнучка та высока!
«Я Ганнуси́ не боюся»!
Матуся спи́вае;
А козаки сміются îй,
Ганнуси́ моргають!
А надъто той рыбалонька,
Жвавый, кучерявый,
Мліе, вьяне, якъ зостри́не
Ганнусю чорняву.
Побачила стара мати,
Сказилася люта:
«Чи бачь, погань ростри́пана,
«Байстря не обуте!

«Ты вже выросла, ди́вуешъ,
«Съ хлопцями гуляешъ:
«Постревай же, — ось я тоби́ . . .
«Мене занехаешъ?!
«Ни́, голубко» . . . И одъ злости
Зубами скрегоче.
Оттака то бува мати —
Де жъ сердце жи́ноче? —
Сердце матери́? . . Охъ лихо,
Лишенько, ди́вчата,
Мати станъ гнучкій, высокій,
А сердця не мати!
Изогнеться станъ высокій,
Брови полиняють,
И не счуетесь . . . а люди,
Сміючись, згадають
Ваши ли́та молодіи.
Та й скажуть: *ледащо!*
Тяжко плакала Ганнуся,
И не знала за-що, . . .
За-що мати згнущаеться,
Лае, проклинае
Свое дитя безъ сорома,
Байстрямъ нари́кае.
Катувала, мордувала,
Та не помагало:
Якъ маки́вка на городи́
Ганна розцвитала;
Якъ калина при долині́
Вранці́ пи́дъ росою,

Такъ Ганнуся червони́ла,
Мылася слёзою. —
«Заворожена — стревай же»!
Шепче люта мати:
«Треба труты роздобути,
«Треба йти шукати
«Стару ві́дьму . . .» найшла ві́дьму.
И труты достала,
И трутою до-схи́дъ-сонця
Дочку напувала.
Не помогло. Клене мати
Той часъ и годину,
Коли на сві́тъ породила
Нелюбу дитину.
«Душно мині́; ходи́мъ, дочко,
«До ставка купаться»!
— Ходи́мъ, мамо! — На березі́
Ганна роздяглася,
Роздяглася, роскинулась
На бі́лі́й сорочці́;
Рыбалонька кучерявый
Мліе по ті́мъ боці́ . . . .
И я колись . . . та цуръ ёму;
Соромъ — не згадаю! —
Якъ дитина, калиною
Себе забавляе,
Гне станъ гнучкій, розгинае,
На сонечку гріе.
Мати дивиться на неи —
Одъ злости ні́міе,

То жовтіе, то синіе;
Розхристана, боса,
Зъ роту пи́на, — мовъ скажена
Рве на соби́ косы, —
Кинулася до Ганнуси́,
И въ косы впилася . . . .
«Мамо! мамо! Що ты робишъ?! . . .»
Хвиля роздалася,
Закипи́ла, застогнала,
И обохъ покрыла . . . .
Рыбалонька кучерявый
Зъ усіеи силы
Кинувсь въ воду, плыве, синю
Филю роздирае,
Плыве . . . плыве . . . отъ-отъ доплывъ —
Ныриувъ . . . . вырынае . . . .
И утоплену Ганнусю
На берегъ выносить,
Изъ рукъ матери заклятыхъ
Вырывае косы.
«Сердце мое! Доле моя!
«Роскрій кари́ очи́;
«Подивися, усми́хнися!
«Нехочешъ! . . . не хочешъ! . . .»
Плаче, пада коло неи,
Роскрыва, ци́луе
Мертви́ очи́. «Подивися . . . .»
Не чуе! . . . не чуе! . . .
Лежить соби́ на пи́сочку, —
Би́ли́ рученята

Роскидала; а за нею
Стара, люта мати:
Очи́ вывело изъ лоба
Одъ страшнои муки, . . .
Втеребила въ пи́сокъ жовтый
Стари́ сини́ руки.
Довго плакавъ рыбалонька:
«Нема въ мене роду!
«Нема доли́ на си́мъ свиті́!
«Ходи́мъ жити въ воду! . .»
Пи́днявъ іи, поци́лувавъ, . . .
Филя застогнала, —
Роскрылася — закрылася, —
И сли́ду не стало! . . . .

Съ того часу ставокъ чистый
Зари́съ осокою;
Не купаються ди́вчата —
Обходять горою.
Якъ углядять, то христяться
И зовуть заклятымъ:
Сумно, сумно кругомъ ёго;
А въ ночи, дивчата,
Выплывае зъ воды мати:
Сяде на ти́мъ боци́,
Страшна́, синя, росхри́стана,
И въ мокрі́й сорочці́;
Мовчки дивиться на сей би́къ,
Рве на соби́ косы . . . .
А тимъ часомъ синя филя

Ганнусю выносить:
Голи́сенька, стрепенеться,
Сяде на пи́сочку . . . .
И рыбалка выплывае,
Несе на сорочку
Багови́ньня зеленого . . . .
Поци́лує въ очи́,
Та и въ воду. Соромиться
На гнучкі́й ди́вочі́й,
На станъ голый подивиться . . .
И ни́хто не знае
Того дива, що твориться
Середъ ночи́ въ гаи;
Ти́льки ви́теръ зъ осокою
Шепче: «Хто се, хто се
«Сидить сумно надъ водою,
«Чеше довги́ косы?»

Т. Шевченко.

БАТЬКИВСКА МОГИЛА.

Покинувъ насъ и нашу матиръ;
Скажи, на що въ далекі́й сторони́,
Безъ ри́дныхъ сли́зъ, въ чужі́й земли́,
Ты ли́гъ, мі́й милый тату, спати?

До дому я гулять прі́йшовъ,
Дивлюся — плачуть ди́ти, мати;

Такъ я заливсѧ, та й пишовъ
Тебе, мій батечку, шукати.

Иду, горюючи, иду,
Шукати батькивську могилу;
А де іи самотную найду —
Такъ тамъ заляжу, тай загину.

Тамъ очи высушу мои
Слизьми, та тяжкимъ горемъ сына,
Та такъ, якъ высохла твоя могила,
Безъ ридныхъ слизъ на сторони.

Иду одинъ, все полемъ, полемъ;
Кругомъ мовчить и небо, и земля;
И тилки нищечкомъ душа моя
Пидъ часъ слёзами заговорить.

Якъ подивлюсь очима я
Туды, далеко, ажъ за горы,
То такъ и чую: видтиля
Зоветь мене яке-сь-то горе.

Знакоме горе те мини;
То голосъ батька изъ могилы!
Охъ, колибъ крылья сироти —
Орломъ полынувъ бы що-силы.

О ни! я бъ зъ витромъ полетивъ
До тебе, тату, на чужину,

И такъ бы плакавъ, такъ туживъ,
Шукаючи твою могилу!

А хто бездольного мене
Туды до тебе доведе
Поплакать дуже — дуже ги́рко,
И сли́зъ сири́тськихъ вылить сті́льки,
Щобъ ажъ втопить могилоньку твою!
Поми́жъ могилами чужими
Чи хто покаже сироті́,
Де полягли твои ки́стки,
Де доля сиротъ мерла зъ ними?
О, ви́дъ людей сёго не жды!
Бо надъ могилою чужою
Чужимъ не плакать сиротою,
Не выливати ги́ркихъ сли́зъ!

Одно, одно сири́тське горе
Покаже певно и промове,
Де ты безъ прокиду заснувъ!

М. Петренко.

ДО МАРЬИ ПОТОЦЬКІЙ.

Ви́ры Божои наруга —
Хрестъ пи́дъ ми́сяцемъ стоить!
Украинко несчастлива,
Ви́нъ говорить про тебе!

На твоій могилі́, Марье,
Ви́шнозеленъ миртъ росте;

Се не даромъ — твоя памьять
Зеленіе, якъ той миртъ.

Вже давно гарматы наши
Розорили розбишакъ;
Пахне пусткою въ будынкахъ,
Де изъ ляку трясся рабъ.

И салдатъ, старый калика,
На постеляхъ ханськихъ спить,
По ревниквому гарему
Шкандиба, не боячись.

И дарма про давни роки
Запытаешься въ его;
Его ричи невторопни,
Якъ могила безъ письма.

Ты-жъ, несчастна христіянко,
Въ ёго памьяти одна;
Ты, не славна и не звистна,
Славныхъ всихъ пережила;

Объ тоби сторожа хирный,
Объ тоби сидый Мулла
Водють ричи, казки кажуть,
И прохожій уздыха.

Тамъ вона жила самотна,
Тамъ молилася Христу,
Тамъ зачахла и завьяла,
Тамъ похована лежить.

И въ будынокъ опустилый
Вийде странній до тебе:
Слава крымська, памьять ханська
Не проснеться передъ нимъ;

И Девлетивъ и Исламивъ
Ледве, ледве винъ згада;
Ты одна, душа святая,
Встанешъ зъ мертвыхъ передъ нимъ.

Усе славне свитовее
Розлетиться й пропаде,
Тильки чистее, святее
Позостанеться на викъ.

Плугъ могилы поривняе,
Черви каминь пройдять;
Що записано на неби —
Не зотреться на земли!

І. Галка.

Бакчисарай.
Іюля 31.

МОГИЛА.

(Чорноморьцю.............................Варенику).

Въ чистимъ поли е могила,
Та могила почорнила;
Хрестъ надъ нею не стоить,
Тилки шабелька лежить.

На могилі вітеръ віе,
Не стихае, віе, віе....
Хто-жъ заснувъ тутъ сиротою,
Підъ баюрою сырою?
Степъ не каже, степъ мовчить,
Що въ землі сырій лежить.
На могилі вітеръ віе,
Не стихае, віе, віе.
Вітре-брате! зъ лугарями
Ты носився надъ степами:
Хто жъ, чі Турокъ — чи Козакъ
Лигъ въ широкій баеракъ?
Тихо вітеръ промовляе:
Тута лыцарь почивае!
Буйно бився вінъ зъ Ордою,
Зъ вражимъ Туркомъ, зъ Татарвою;
Буйно шаблею махавъ,
Злого ворога рубавъ, —
Та загнала вража сила
Козака въ сыру могилу!...
Тихо, тихо.... сонце сяе,
Сонце сяе, та палае;
Смирно, смирно степъ лежить,
Всюды, всюды все мовчить....
Тілки вітеръ буйный віе,
Не стихае, віе, віе...

Я. Щоголевъ.

1841 г. Іюля 10.
Ахтырка.

РАНОКЪ ОСИННІЙ.

Ущербленный ми́сяць за гору заходить;
Безъ промини́въ сонце червоное сходить;
На воду, на горы, на нивы, й на ли́съ
Туманъ пацирками си́дыми нависъ.

И бачу я: неводомъ наче обвити́,
У очахъ стоять незвычайныи виды;
Тамъ чудно безверхіи горы знялись,
Тамъ пышни́ въ яру городы пи́днялись.

И жовте, косою зграсоване поле
Колышеться въ пари́ якъ синее море;
Хоть очи́ одводить — та люба мана!
Туманъ розійшовся: ни́чого нема!

Такъ часомъ, якъ оси́нь нашъ вѣкъ одоліє —
У сивои памьяти прежне замріє,
И ниву, що долею намъ тутъ дана,
Покрые мовъ поле туманъ той — мана.

И очамъ яснымъ небувале здаеться;
И серце веселе до ёго ажъ рветься;
И серце туга нави́сная здавне,
Якъ розуму сонце туманъ розжене.

Поглянешъ — и ри́вно, и сумно; степъ сива;
Чорніе пуста, неврожайная нива;
Вздыхнешъ та й промовишъ — чого се мини́
Того не здалось на яву, що въ мани́?

П. Левченко.

Конотопъ. Сент. 10. 1839 года.

КИРИЛОВИ РОЗУМУ.

Постій, козаче, не біжи!
Ось глянь на хрестъ! читай, чія могила!
Остатьнёго се гéтьмана Кирила!
Присядь же, брате, потужи!

І. Бодянскій.

1832. IV/24 Москва.

ПИСЬНЯ.

Ой у полі на роздольі
Шовкова травиця;
Середъ неи край тополі
Чистая криниця.
Тільки туды кониченька
Мині не водити,
Изъ тіеи криниченьки
Водиці не пити.
Травка звьяне, травка зсохне
Коню вороному, —
Отрутою вода стане
Мині молодому!

На тiй шовковiй травицi
Багато отруты:
А зъ тieи криниченьки
Пивъ мiй ворогъ лютый.

Александръ Чужбинскiй.

1842. Генваря 30.
Чугуевъ.

ТОРБА.

(*Казка*).

Якъ бувъ соби чоловикъ та жинка, та не було у нихъ дитей..... отъ той чоловикъ насiявъ проса; и вродилось просо таке славне, що ажъ весело дивиться. Де не взявся витеръ — выбивъ те просо. Прiйшовъ чоловикъ до дому, та-й голосить: будемо, каже, мы теперъ, жинко, безъ каши! — А жинка ёму одвича: иди, чоловиче, до витрового батька суда просити; нехай тоби за побой заплатить! Чоловикъ и пишовъ. Отъ — приходить до витрового батька, поклонився ёму и каже:

«Що я до тебе прiйшовъ, паноче?»

— Скажешъ. —

«Твiй сынъ выбивъ у мене просо; такъ заплатить мини за побой!»

— Що-жъ тоби платить? Я не знаю чимъ тоби заплатить! — Отъ и ставъ витривъ батько думать; думавъ, та писля й каже:

— Дамъ я тобі́ торбу.

А що я зъ ті́ею торбою робитиму?

— А що робитимешъ! Якъ схочешь ї́сти, то заразъ и скажешъ: торбо, торбо, поставляйсь! такъ отъ тобі́ буде и ї́сти й пити, скі́льки душа забажае! —

«Ну, добре!»

— А якъ наисись, то скажешъ — торбо, торбо, укладайсь! Вона й уложиться. —

«Ну, гараздъ.»

Пони́съ чолові́къ торбу до дому и хвалится жі́нці́:

«Отъ, жі́нко, що я прини́съ!»

— А що ты, чолові́че, прини́съ? —

«Торбу.»

— А щожъ, чолові́че, зъ тіеи торбы? —

«А що, жинко, се торба така, що ті́льки скажешъ: поставляйсь; такъ тутъ буде такои стравы, що й не поимо.» — Жі́нка схватила ві́дра, пі́шла по воду, та й хвалиться сусі́дамъ:

— Мі́й чолові́къ прини́съ таку торбу, що якъ скажемъ: поставляйсь, такъ буде такои страви, що й не поимо. —

«А кумъ ихъ почувъ, що говорить жі́нка, та й каже:» я прі́йду до васъ у неді́лю обі́дать.»

Отъ ді́ждались неді́лі́. Прі́йшовъ кумъ у гості́; садовлять его обі́дать; ні́чого нема́ и пі́чь не топлена! Кумъ и дивуеться. Що се, дума собі́, за вража мати? Що то вони мині́ поставлють ї́сти? — Коли хазяинъ и зні́ма торбу зъ кі́лка; кумъ и дума: чи се-бъ-то и справды жі́нка не збрехала? . . . . а хазяинъ положивъ торбу на сті́лъ та-й приказуе: торбо, торбо, поставляйсь! Торба якъ поставилась, такъ де тіи й стравы набралось! — Паляниці́,»

мнясо, борщъ, гуска печена, пампушки зъ сметаною, каша молошна, ... усе-таки, що называеться усе! и́ли, и́ли, та-й не пойли.

Отъ кумъ прійшовъ до господы та-й каже своі̂й жи́нци́:

«Отъ, жи́нко, у кума торба!»

— А що тамъ за торба така? —

«А що? Посадивъ обíдать, знявъ зъ ки́лка торбу та ти́лки усего, що сказавъ: торбо, торбо, поставляйсь! такъ такого добра набралось, що ти́лки выгадать можно.»

— Отъ диво! —

«А то жъ! не диво!»

— Де жъ се ви́нъ і̂и таку добувъ? —

«А ось пи́ду спытаю. Де ви́нъ і̂и справды таку добувъ!» Отъ и прійшовъ.

«Де ты, куме, торбу взявъ?»

— А де взявъ? Ви́теръ давъ. —

«Продай, куме, мини́ сю торбу.»

— Ни́, не продамъ. —

«Я тоби́ пару воли́въ дамъ за неи.»

— Не хочу двохъ. —

«На тоби́ три.»

— Не хочу. —

«Отъ тоби́ чотыри́.»

— Хто ёго зна, що робить! —

А жи́нка каже:

— Та бери, чолови́че; чотыри́ пары—плугъ воли́въ. Будечимъ орудовати. —

Подумавъ чолови́къ, та й змовився. Взявъ у кума чотыри́ пары воли́въ, а ёму торбу оддавъ.

Самъ же, взявши воли́въ, оре та хли́бъ сі́е. Насі́явъ проса; просо уродилось..... де не взявся ви́теръ, та й побивъ те просо. Мужикъ прі́йшовъ до дому, та й голосить: побивъ ви́теръ упьять наше просо; будемо теперъ безъ каши!

А жи́нка говорить:

—Ты-бъ пи́шовъ упьять до ви́трового батька; нехай дасть таку торбу, якъ дававъ!—

Пи́шовъ чолови́къ.

—Здоровъ бувъ, паноче!—

«Здоровъ, чолови́че»!

—Чого я до тебе прі́йшовъ!—

«Скажешъ».

—Твій сынъ упьять мое просо выбивъ. Заплати за побой!—

«Що жъ я тобі́ заплачу»?

—Дай мині́, паноче, таку торбу, якъ дававъ.—

«Добре, чолови́че! Ось на тобі́ сю торбу, — та якъ вы́йдешъ у поле, такъ ти́лки скажешъ: торбо, торбо, поставляйсь! тамъ побачишъ, якъ вона тобі́ поставиться»! Чолови́къ узявъ торбу, тай пони́съ. Вы́йшовъ у поле, та-й си́въ оддыхати. Захоти́лось ёму и́сти; вынявъ ви́нъ торбу зъ пазухи, та-й приказуе: торбо, торбо, поставляйсь! Торба якъ поставилась..... якъ выскочить зъ торбы здоровенный молотокъ; якъ почавъ ви́нъ мужика.... то въ той високъ, то въ сей... клепа, клепа... ёму сердешному ажъ очі́ помутились, ажъ чмели́въ слуха, а той его клепае.... трохи, сердега, ри́чей не зоставсся....

«Торбо, торбо..... торбо.... торбо... укладайсь! торбочко, торбонько! укладайсь!.....»

Молотокъ ускочивъ у торбу.

Завязавъ ви́нъ свою торбу й несе до господы.

— Ну що, чоловиче! принисъ?—

«Принисъ».

—Торбу?—

«Та торбу-жъ».

—А покажи.—

«Озьде».

—Така?—

«Хиба повылазило»!

— О, чоловиче! теперъ упьять гарно будемо жити!—

«Житимешъ, матери-лиха»!

—А що, чоловиче?—

«А що, жинко, бачишъ, яки въ мене виски»?

— А що се? Якъ пампушки! Що се таке, чоловиче?—

«А що? Скажи лишъ ты торби: поставляйсь, такъ и взнаешъ»!

— Торбо, торбо, поставляйсь!—

Молотокъ якъ выскочить зъ торбы, якъ почавъ ту жинку по вискамъ клепати, то въ сей то въ той; и очипокъ къ недобрій матери спавъ, а винъ їи жарить.

— Торбо... торбо... торбо-жъ, та торбонько.... укладайсь!—

Молотокъ ускочивъ у торбу.

Чоловикъ завьязавъ торбу, та-й повисивъ на килку.

Сидить жинка ни-жива, ни-мертва.

«А що, жинко, гарно будемо жити»?

— Ну, теперъ, чоловиче, не ходи вже до витрового батька. Хай ему цуръ.—

Трохи згодя, побигла жинка до кума, та й хвалиться.

— Мій чоловикъ упьять торбу добувъ. —

«Таку»?

— Таку! Хай іи лиха година! Якъ сказала: поставляйсь, а зъ неи якъ выскочивъ молотокъ, та такъ почавъ мене у виски клепати, що я трохи дуба не дала! На-силу вспи́ла сказати: укладайсь! —

«Де жъ та торба?»

— А де? висить у хати́ на ки́лку. —

«На-ви-що жъ вы іи держите?»

— Для прихожого. —

Н. Костомаровъ.

ЛОВЫ.

(Казка).

Разъ у осени́ панъ поихавъ на ловы: зъ нимъ було багато охотники́въ. Полювали вони — полювали ци́лый день и ни́чого не выполювали. Пристигла ихъ темная ни́чка. Холодно, а до того ще й дощикъ крапле. Панъ промокъ, та-й змерзъ. Тре соби́ руки, та й каже: Отъ якъ-бы намъ теперъ *хата тепла, пости́ль би́ла, хли́бъ мьякій, квасъ кислый, — ни́чого бъ и журиться: казали бъ казку, баяли-бъ байку до самого сви́та.* Коли зиркъ — щось сви́титься; — вони туды: — хата; вони у хату: на столи́ хли́бъ лежить, и квасу глекъ стоить; и хата тепла, и пости́ль би́ла; усе якъ хоти́въ панъ, такъ и е! Отъ увійшли усі у хату, помолились, повечеряли, та й полягали.

Усі сплять — одинъ не спить. Ему щось не спиться! Отъ якъ опівночі, чуе, приходить щось до вікна, та й каже. *отъ розсучого сына! казали, якъ-бы намъ хата тепла, постіль біла, хлібъ мьякій, квасъ кислый — нічого бъ и журиться: казали-бъ казку, баяли-бъ байку до самого світа а теперъ и забули. Ихатиме жъ панъ до дому; буде ёму на дорозі яблоня зъ яблуками; захоче вінъ ихъ покуштувать; якъ покуштуе, — такъ и розлопаеться' а хто почуе, та скаже, той по-коліна камінемъ стане*! Вінъ чуе, та й дума: отъ лихо!—Упьять такъ объ другихъ півняхъ приходить щось до вікна та й каже: *Отъ розсучого сына! казали, якъ-бы намъ хата тепла, постіль біла, хлібъ мьякій, квасъ кислый,—казали-бъ казку, баяли-бъ байку до самого світа, а теперъ и забули. Ихатеме жъ панъ до дому; буде ему на дорозі криниця-чиста-водиця; захоче вінъ зъ неи напиться; якъ напьеться, такъ и разлопаеться*; *а хто почуе, та скаже, той по-груди камінемъ стане!* Вінъ чуе, та й дума: отъ лихо!—Упьять такъ объ третіхъ півняхъ приходить щось до вікна, та й каже: *отъ розсучого сына! казали, якъ-бы намъ хата тепла, постіль біла, хлібъ мьякій, квасъ кислый — нічого бъ и журиться*! *Казали-бъ казку баяли-бъ байку до самого світа, а теперъ и забули. Ихатемв жъ панъ до дому; буде ёму на дорозі кровать съ периною: захочв вінъ на іи опочити; якъ ляже,—такъ и розлопаеться*! *а хто почуе, та скаже, той по-шію камінемъ стане!* Вінъ чуе, тай побудивъ усіхъ. —

Пора іхать, каже. Панъ каже: пора, поідемо! Отъ ідуть вони—якъ-разъ: біля дороги росте яблуня и на іи такі

красні́, таки гарні́ яблука, що й сказати не можно! Панові́ смерть-захоті́лось і́хъ покуштовати. А той якъ пі́дскоче, та чі́рконе по яблуні́: вона такъ попеломъ и взялась! Панъ розсердився, кричить: бері́ть ёго, сучого сына! А ві́нъ уперёдъ забі́гъ, та й утикъ. Дальшъ-трі́шки упьять: і́дуть — бі́ля дороги криниця, та вода така чиста та хороша, що й сказати не можно! Панові́ смерть-захоті́лось зъ неи воды напиться. А той якъ пі́дскоче, та чі́рконе по їй шаблею — вона такъ кровью и взялась! Панъ розсердився, кричить: біјте ёго, сучого сына! А ві́нъ уперёдъ забі́гъ, та й ути́къ. Ище дальшъ і́дуть — бі́ля дороги кровать золотая, а на їй перина бі́ла, та мьягка, та така гарна, що й сказати не можно! Панові́ смерть-захотилось на їй полежати. А той якъ пі́дскоче, та чі́рконе шаблею — вона такъ углемъ и взялась! Панъ розсердився, кричить: стрі́ляйте ёго, сучого сына! А ві́нъ уперёдъ забі́гъ, та й ути́къ.

Пріїхали вони до дому. Панъ и приказуе прі́вести до себе того охотника. Той и прійшовъ. Що се ты, каже, наробивъ? зрубі́ть ёго, бі́сового. А той каже: Велі́ть, пане, привести до рундуку погану шкапу.—Привели.—Ві́нъ сі́въ, та й каже: — опі́вночи, пане, прійшло до насъ щось до ві́кна, та й каже: *отъ розсучого сына! казали, якъ бы намъ хата тепла, пості́ль бі́ла, хлі́бъ мьякій, квасъ кислый, ні́чогобъ и журиться: казали-бъ казку, баяли-бъ байку до самого свита, а теперъ и забули. Ихатеме панъ до дому; буде ёму на дорозі́ яблуня зъ яблуками; захоче ві́нъ і́хъ покуштовати; якъ покуштуе,—такъ* и *розлопаеться! а хто почуе, та скаже, той по-колі́на камі́немъ стане!* Кі́нь такъ по-колі́на ка-

ми́немъ и ставъ. А ви́нъ каже:—упьять такъ объ другихъ пи́вняхъ приходить, та упьять тежъ каже, та й пригова-рюе: *буде ёму на дорозі́ криниця-чиста-водиця; захоче ви́нъ зъ неи напиться; якъ напьеться,—такъ и розлопаеться! а хто почуе, та скаже, той по-груди ками́немъ стане!* — Ки́нь такъ по-груди ками́немъ и ставъ. А ви́нъ каже: — упьять такъ объ трети́хъ пи́вняхъ приходить, та тежъ таки каже й приговорюе: *Ихатиме панъ до дому; буде ему на дорозі́ пости́ль би́ла; захоче ви́нъ на ій опочити; якъ ляже такъ и розлопаеться; а хто почуе, та скаже, той по-шію ками́немъ стане!*

Та заразомъ ски́къ зъ коня! . . . а ки́нь такъ по-шію ками́немъ и ставъ! Отъ, каже, на-що я такъ робивъ! Прости́ть, пане!

Н. Кастомаровъ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I. Левенченко.

═

— Ой, сыну мі́й Левенченку,
— Та не пій вина рано у неди́лю! —
«Ой якъ мині́, мати, вина не вживати,
«Що е въ мене, мати, дорогіи шаты,
«Шаты дорогіи, коні́ вороніи».
Не за часъ, не за два, за одну годину,
Ой узяли Левенченка за шію,
Та си́ренькою си́рицею;

Та повели ёго та улицею,
Та повели ёго та броварнями,
Та козацькими прикметами;
Та вкинули Левенця у темницю,
На ви́шнюю пропасницю!
Та сидить ли́то, сидить и другее:
На трете́е ли́то стало повертати;
Прі̆йшла до ёго ри́дненькая мати:
«Здорова, мати, на третее ли́то»!
Та стала мати сына пытати:
— Ой, сынку мі̆й, та Левенченку;
— Та почи́мъ, сынку, сее ли́то знати.
«А поти́мъ, мати, ли́то знати,
«Що йшли ди́вочки по ягодочки,
«Та вырвали кви́ту чорвоного цви́гу,
«Та вкинули та у темницю,
«У ви́шнюю пропасницю!
«Ой поти́мъ, мати, сее ли́то знати»!
— Чи́ я тоби́, мі̆й сыну, не казала,
— Чи́ я тоби́, сыну, не говорила;
— Не рубай ли́са Лебедина,
— Та не гни́ви пана — господина;
— Порубавши ли́са — треба зволочити;
— Розгни́вивши пана — треба упросити!

II.

Плѣнница.

═

Та йшовъ козакъ дорогою,
Дорогою широкою,

Не самъ иде — коня веде:
Коня веде за поводы;
Привъязавъ коня до прикорня,
До прикорня дубового,
До аркана шовкового;
А самъ ли́гъ спать би́ля его:
Си́делечко въ головочки,
Стременечки у бочечки;
Чи́ спавъ — не спавъ — прокинувся: —
Нема коня, ни́ прикорня,
Ни́ прикорня дубового,
Ни́ аркана шовкового.
Пи́шовъ козакъ тиняючи,
Свого коня шукаючи;
Вы́йшовъ козакъ на могилу,
Та й заглянувъ у долину;
А въ долини́ корчма стоить,
Коло корчмы огонь горить,
Коло огня Турокъ сидить;
Турокъ сидить — трубку курить;
Коло ёго ди́вка сидить;
Ди́вка бранка косу чеше: —
Косо жъ моя русявая!
За кого жъ ты заручена?
За Турчина заручена,
За Татара засватана;
За Козака рушникъ дала —
За Татара за-ми́жъ пи́шла.

III.

Игнатко Братко.

Та йшовъ Игнатко, ишовъ Братко,
Тихесенькимъ шляхомъ;
А за тимъ Игнаткомъ, за тимъ Братком̃ъ,
Увязались Ляхи.
Ой поставили стороженьку
На вхрестъ шабельками;
Та втикавъ Игнатко, втикавъ Братко,
По пидъ рученьками.
Та скидавъ Игнатко, скидавъ Братко,
Зъ себе сирячину;
Та кидавъ Игнатко, кидавъ Братко,
Чорну кожушину.
Та втикавъ Игнатко. втикавъ Братко,
Ажъ на Запорожье.
Та не дае пройти, а ни проихати
Та быстра сторожа.
Та прибигъ Игнатко, прибигъ Братко,
Та до хаты;
«Пусти мене, пусти, бабусенько,
«Та у свою хату.
«Защити Игнатка, защити Братка,
«Видъ Ляшенькивъ».
— Ой, сыну Игнатку, сыну Братку,
— Можно защитить.

— Та вли́зь же ты въ погребину,
— Та й тамъ пересидь. —
Якъ наби́гають та вражи́ Ляхи
Та до теи хаты,
Та пытаються у бабусеньки ;
«Чи́ не бачила Йгната.»
— Ой я же вамъ, та паны - Ляхи,
— Ни́чого не скажу ;
— Я не бачила та Игната
— Та у своі́й хати́. —
Ой и стали Ляхи та шукати,
Усе розважати.
Якъ попали того Йгнатка
Та у ті́й погребини́:
Порубали тому Игнаткови́
Усю головину.
Порубали та Игнаткови́
Усю головину ,
Поси́кли Игнатка, посѣкли Братка
На ми́лку дробину.
«А чому ты, бабо старая ,
«Правды не сказала ,
«Що ты Игнатка Братка
«Въ погребини́ сховала ?»
Ой и старі́й бабусеньці́
Голову зрубали : —
«Отсе тоби́, бабо старая,
«Що правды не сказала!»

IV.

Убійство.

═

— Я сёгодня тута,
— А завтра пойду;
— Будешъ мила припадати
— Та до мого слиду. —
«Ой не буду, милый,
«Далиби, небуду;
«Горювала я зъ тобою,
«И безъ тебе буду.»

Ой на гори просо,
Пидъ горою жито;
Прійшла звистка до милои,
Що милого вбито;
Ой убито, вбито,
Та й кинуто въ жито; —
Червоною китайкою
Личенько накрыто;
Зеленою оливою
Оченьки залито.
Прійшла ёго мила,
Китайку открыла,
Та й заголосила:
«Чи ты, милый, впився,
«Чи зъ коника вбився,
«Чи зъ иншими звеличався, —

«Мене одцурався?»
— Я, мила, не впився,
— Ни́ съ коника вбився;
— А то мене смерть постигла —
— Тимъ я похилився! —

Прилети́ла пташка,
Би́ля ёго впала:
Таки́ очи́, таки́ брови,
Якъ у мого пана!
Прилети́ла пташка —
Малёвани́ крыльця:
Таки́ очи́, таки́ брови,
Якъ у мого Гриця!

V.

Сивый коню! сивый коню!
Що ты задумався?
Нема тіей ди́вчиноньки,
Що я въ і́й кохався!

Сивый коню, сивый коню,
Наижься оброку;
Поженемся за ди́вчиною
У землю глыбоку!

Сивый коню, сивый коню,
Тяжко тоби буде:
Пойдемо разомъ зъ ви́тромъ, —
Попасу не буде!

Би́гай, коню, би́гай коню,
Бо вже вечеріє;
Ой тамъ сидить моя мила,
Де зъ ли́са зоріе.

Вижу милу, вижу любку:
Дивиться въ ви́конце;
Хочъ такъ темно, такъ не видно —
Сви́титься якъ сонце.

VI.

Свадебныя пѣсни.

Предлагаемыя здѣсь пѣсни собраны въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской Губерніи (*) и напечатаны буквально, безъ всякой перемѣны мѣстнаго произношенія, во-все отличнаго отъ выговора прочихъ жителей Малороссіи и составляющаго какъ-бы средину между Бѣлорусскимъ и Великороссійскимъ.

Первыя пятьнадцать пѣсень поются на сговорѣ, или, по мѣстному названію, на *заручѣнахъ* и *дѣвичь — вечерѣ*. Двѣ же слѣдующія (16 и 17) исключительно при этомъ послѣднемъ обрядѣ, и, притомъ, какъ и на сговорѣ, только однѣми дѣвушками, *подружками*, а не замужними. Наконецъ послѣднія три поются при возвратномъ поѣздѣ отъ вѣнца.

(*) Доставлены И. И. Гамалѣею.

1.

Ой чія то рюта-мята за горою,
Та й заросла, забурѣяла лебедою?
Ганночкина рюта-мята за горою,
Та й заросла, забурѣяла лебедою.
Та й чему ты, Ганнусечко, не полола?
Ой дѣвочки, подружечки, не до рютки:
Береть мене Петрусечка въ свои руки,
Въ свои руки, въ свои руки у науки!

2.

Ты мене, мой татухно, отдаешь,
Застается моя рюточка у тебе:
Да й уставай, мой татухно, раненько,
Поливай мою рюточку частенько
И ранними, и вечернями зарями,
И своими горючими слезами.
Моя рюточка въ саду подъ тынкомъ:
Тамъ текли слезы мойго татухны ручійкомъ!

3.

Чи въ тебе, Кулинка, камянное сердечко,
Вечеръ сидишь — не заплачешь,
Татухны не разжалишь,
Родного не разжалишь?
Не буду я плакати,
Свойго лица отирати:
Мое личко якъ яблочко,
Руся коса до пояса,

Самая якъ ягода,
Самая червонная.

Примѣч. Эта же пѣсня поется и матери.

4.

Зажурилася Кулинка, что рано зима напала,
Снѣжкомъ рюточка завяла:
Не съ чего молодѣ вѣнка звить.
Да й зачувъ, почувъ Петрусько:
Да й не журися Кулинка,
Я жъ вчòра на торгу побывавъ,
Я тебѣ вѣночекъ зторговавъ,
Да зъ рюты, зъ мяты, зъ лелеи
Зъ зеленые шявлеи.

5.

Колибъ я знала, колибъ вѣдала
Коли мои заручены будуть,
Тай послала бъ я свойго *татухну*
У лугъ по калину; татухно идетъ,
Калины не несетъ, и вѣтеръ не вѣе,
Вѣтеръ не вѣе, сонце не грѣе,
Калиночка въ лузи не зрѣе.

Прим. Поется также матери, брату и сестрѣ.

6.

Зеленый мой подалешничикъ
Коли ты росъ, коли роскидався?
Росъ же и да при сонійку,

Роскидався я при дожчику.
Ты красная, ты Кулиночка,
Коли росла, коли разумѣла?
Росла я въ свойго татухны,
Разумѣла въ свое мамахны.

7.

Ты лещиночка, ты малая лещиночка,
Чому мала — не величка?
Хоть же я сама не величка,
Да я лѣсу да великаго,
Кореня коренистаго,
Листынку лопушистаго.
Ты красная, ты Кулиночка,
Чого мала — не величка?
Хоть же я сама не величка,
Да я роду да великаго,
Татухны я досужаго,
Мамухны я розумныя,
Сестрицы я богатыя.

8.

Пошлю зезелку на Украиночку
По свою родиночку:
Ни соловья зъ саду, ни татухны зъ раю,
Ни родины зъ Украины.

9.

Ой у городи, у частоколу
Кулинка рюту полола;

Коло городу, коло частоколу
Петруська конемъ играе;
Просивъ въ Кулинки, просивъ въ душечки
Красочки за шапочку:
Подай, Кулинка, подай, душечка,
Красочку за шапочку!
Не подалъ Петруська, не подамъ любенькій:
Боюсь же я батки.
Не бойся батки, не бойся батки,
Побойся ты мене молодаго:
Баткова гроза, баткова гроза —
Якъ лѣтняя роса;
Мои жъ пригрозы, мои жъ пригрозы —
Якъ лютые морозы.

10.

Да й ходила Кулинка по крутой горѣ,
Забачила сизаго селезня на быстрой водѣ:
Плыви, плыви сизый селезень тихо по водѣ, —
Прибудь, прибудь, мой татухно, сегодня ко мнѣ!
Да й радъ бы я къ тебѣ прибыти:
Заложила сыра земля грудочки мои,
Не могу я встать, порадочки дать.

11.

Дѣвочку змовляли, сорокъ коней давали:
Все то мутня, бѣломутня отъ большаго
Свата, отъ пана сходатая!
Ихъ дѣвочку узяли, дакъ ничего не дали;

Все то мутня, бѣломутня отъ большаго
Свата, отъ пана сходатая!

12.

Чому ты, Кулинко, не плакала,
Якъ тебе заручали?
А мнѣится смѣялися,
Ажъ яны змовлялися;
А мнѣится воду пьють,
Ажъ яны горелочку,
Пьють горелочку, пьють горелочку,
За красную дѣвочку.

13.

Да й на броду, броду,
Пивъ сивый конь воду;
Да й напившися заржавъ,
Нихто его не знавъ;
А почула, почула
Петруськова маты,
Стала коня ухваляты:
А итобъ тебѣ, коню,
Три силы прибыли
И четвертое счастье!
Да й на броду, броду
Пивъ сивый конь воду;
Да й напившися заржавъ;
Никто его не знавъ;
Да й почула, зачула
Кулинкина маты:

Штобъ тебе, коню,
Три силы отбыло
И четвертое счастье?

14.

Болитъ моя головочка съ чернаго бровца:
Да й отдаешь, мой татухно, мене за вдовца!
Ай у вдовца у молойца да три коровы.
Дай не стане за годъ за два мое головы:
Либо зсушить, либо сжурить мене, молоду!

15.

Да лебеди, лебеди, ай дежъ вы бывали,
Да что жъ вы видали?
А видали бѣлую да лебедочку.
Да чому жъ вы не взяли?
Хоть же мы не взяли,
Да мы ее назначили.
Да бояре, бояре, дай дежъ вы бывали?
Да бывали мы, бывали у красныя Кулинки.
Да чому жъ вы невзяли?
Хоть же мы невзяли,
Мы жъ ее назначили.

16.

А зъ саду, зъ саду, да зъ винограду,
Да бѣжить конечекъ малъ — невеликъ,
А за имъ Петрусько зъ золотой пугою,
А за имъ татухно зъ великою прозьбою:
Постой, сыночокъ, постой дитятко,

А нехай конечекъ на росѣ походитъ,
А нехай Кулинка съ баткомъ говорить!
А не дамъ конечку по росицѣ ходить,
А не дамъ Кулинкѣ съ баткомъ говорить!

17.

Ай чія то мати да по улицѣ ходе?
Петруськова мати по улицѣ ходе,
Да по улицѣ ходе, да сусѣдочекъ просе:
Да сусѣдочки мое,
Да ходите жъ вы ко мнѣ,
Да й къ мойму дитяти,
Корвай прибирати.

18.

Ой радъ, раденекъ Петрусько,
Што въ Божжемъ домку побывавъ,
Да на дномъ рушничку постоявъ;
Кулинку за ручку подержавъ,
Съ правые рученьки перстень znявъ,
Сюды тебѣ, Кулинка, поцѣлую,
Золотый перстенечекъ подарую.

19.

Да йде ты, Кулинка, бывала,
Иннемъ головка запала?
Да бывало, дѣвочки, подъ вѣнцомъ,
Да чесала голову гребенцомъ,
Уронила гребенецъ подъ столецъ:
Да подай, татухно, гребенецъ!

Да я тебѣ, дочухно, да не молодець,
Есть у тебе молодецъ Петрусько!

20.

Зажжи, мати, свѣчку,
Да йды на зустрѣчку!
Чи вгадаешь, мати,
Ты свое дитяти?
У твойго было дитя
Головка заплетена:
Теперь у твойго дитя
Головка расклычена
Коска расплетена.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Южнорусское нарѣчіе, употребляемое слишкомъ тринадцатью миліонами народа, до сихъ поръ не имѣетъ постоянныхъ правилъ правописанія: почти у каждаго изъ пишущихъ есть свои любимыя буквы и значки. Помѣщая въ этомъ сборникѣ произведенія почти всѣхъ лучшихъ писателей, занимающихся южнорусскимъ нарѣчіемъ, нельзя было не подумать о томъ, какъ бы согласить мнѣнія и желанія. Издатель, съ этою цѣлію, рѣшился держаться слѣдующихъ правилъ:—

Вотъ всѣ буквы, принятыя здѣсь для южнорусскаго нарѣчія: а, б, в, г, д, е, é, ё, ж, з, і = и, í = й, й, к, кг, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ь, ы, ю, я. Изъ нихъ:

— *в* всегда удерживаетъ свою звучность, не переходя никогда въ *ф*: *вҷдра* можно скорѣе произнести какъ *уҷдра*, нежели какъ *фҷдра*; *левъ* скорѣе какъ *лэу*, нежели какъ *лэфъ*.

— *г* всегда произносится какъ Латин, Франц. Нѣм. *h*: *ганна*—читай *hanna*, а не *ganna*.

— *е*, хотя и употребляется тамъ же, гдѣ и въ великорусскомъ—*е*, но не смягчаетъ предъидущей согласной, а всегда выговаривается какъ э: *мене* — читай *мэнэ*.

— *е́*, напротивъ, имѣетъ выговоръ великорусскаго *е* простого; т. е., стоя въ началѣ слога, выговаривается какъ *йе*, а послѣ согласной, предполагаетъ ее мягкость: *сине́* — читай какъ *съинье*, *спи́вае́*—читай *спивайе*.

— *ё*, стоя само по себѣ, выговаривается какъ *йо*, а послѣ согласной, всегда смягчаетъ ее: *на синёму мори́*, *ёго* — читай на *съинёму мори*, *його*.

— і=и, употребляясь тамъ же, гдѣ великорусское, не смягчаетъ предъидущей согласной, точно также какъ и *е*, занимая средину между великорус: *и* и *ы*:—*тихо*—читай *тыхо*.

— і́=й, напротивъ, почти всегда замѣняя собою другую гласную, имѣетъ выговоръ великорус. *і=и*; т. е. стоя въ началѣ слога, выговаривается какъ *йи*, а послѣ согласной всегда смягчаетъ ея выговоръ: *йсти*—читай *йистьи*, *вйлъ*—читай *вилъ*.

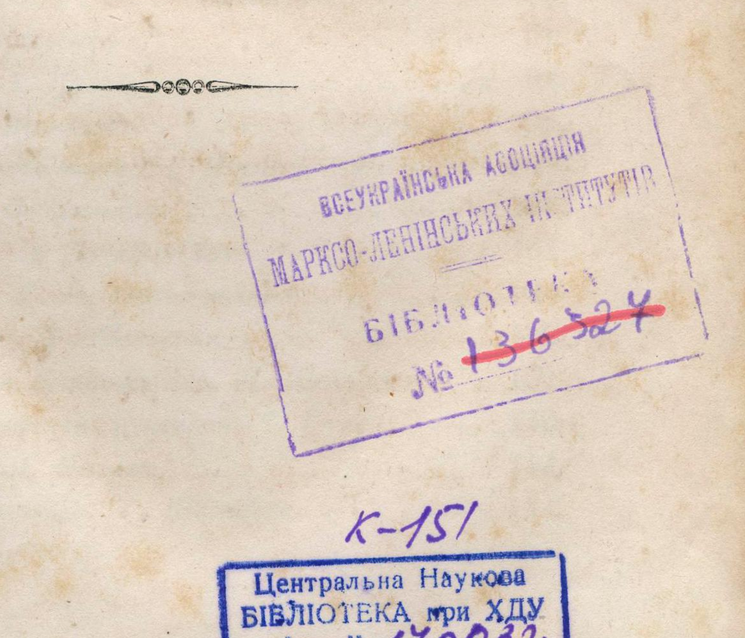
— *кг*, для отличія отъ г, употребляется, гдѣ *г* выговариваютъ какъ лат: *g*: *Кгерлига*—читай какъ Итальянское *gherliga*.

— *л* передъ *е* и *и* выговаривается, какъ западное *l*, звукомъ среднимъ между *ль* и *лъ*: *либо*—читай *libo*, а не *glibo*, *лемйшъ* читай какъ Франц: *laimiche*.

— *ы*, по выговору, не отличается отъ *і=и*, а пишется тамъ, гдѣ этого требуетъ общее Русское правописаніе: такъ и *мило* и *мыло* выговаривается одинаково, какъ-бы *мыло*. —

Къ этому остается прибавить общее правило: пиши такъ, какъ *хочешь* выговорить, а не такъ, какъ иногда, не-хотя, принужденъ бываешь потому только, что иначе не можешь:— хочешь произнести *зхилиться* и пиши такъ, а не *схилицьця*.

Наконецъ, чтобы показать, гдѣ это нужно, какія гласныя имѣютъ ударенія, употребляемъ acentum acutum (í); а *é*, *ё* и *í=и́* оставляемъ безъ особеннаго знака: въ словѣ *чолови́къ*, и безъ того видно, что удареніе на и́,—а въ словѣ *ви́дкиля́* знакъ ударенія на *я* показываетъ, что *и́* не имѣетъ на немъ ударенія; такъ и въ словахъ *ёго̀* и *ёлка*, *трѐте́* и *забье́*.

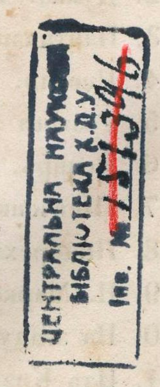

ОГЛАВЛЕНІЕ.

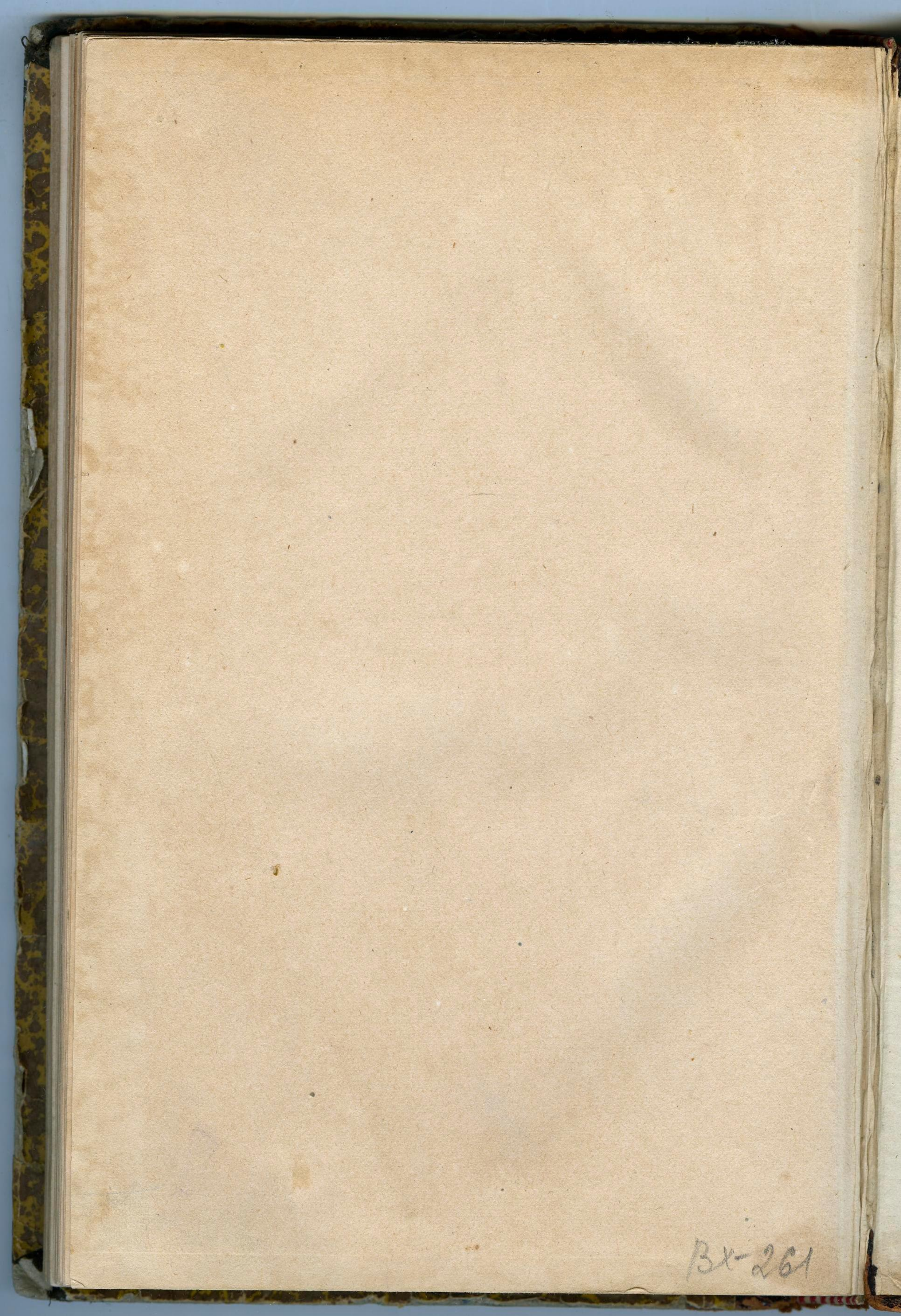
═

Къ сей части приложены портреты И. П. Котляревскаго и козака Климовскаго, рисованные М. С. Башиловымъ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Должно читать:*
Стр.	*Строка.*		
21	— 21	*Королевы.*	*Доктора.*
39	— 18	о завтряшнемъ	о завтрешнемъ
43	— 24	для внутренняго обожателя	для вѣтреннаго обожателя
56	— 11	якихъ парубкúвъ самъ зна,	парубкúвъ, якихъ самъ зна,
59	— 27	мамо	мамо,
60	— 16	бúлнúша	бúднúша
63	— 27	розтавля	розставля
64	— 19	щептати	шептати
83	— 28	до земскаго	до земського
107	— 14	пúдбрехавъ	пúдбрехачъ . . . . . .
124	— 9	по ревникьому	по ревнивому
127	— 15	прежнє	прежнé
135	— 25	ихатимв	ихатиме

приписать